ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

АБАЖУР

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

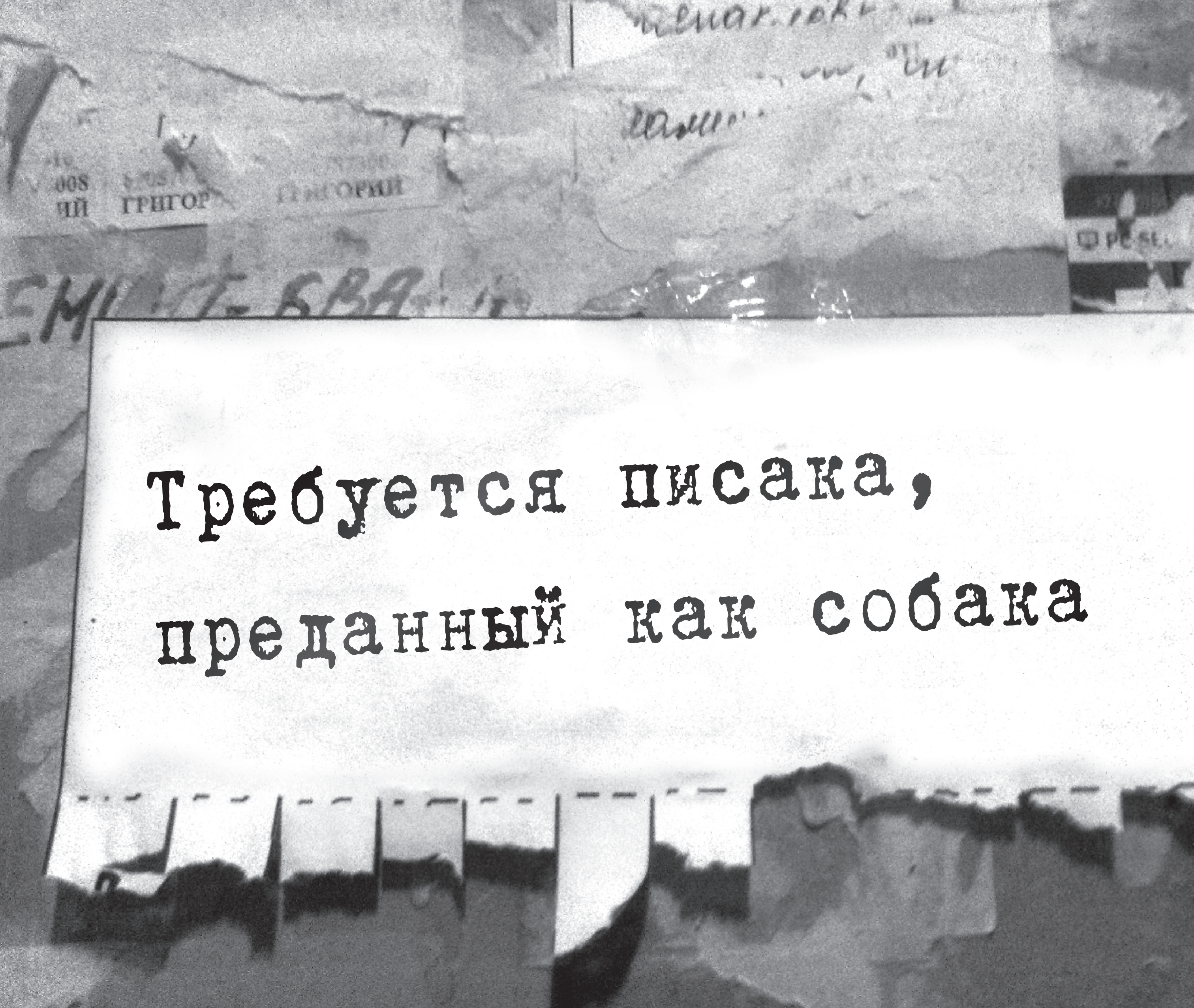
№ 4 (118) 2016

ФАК журфак?

Марина БЕЛЯЦКАЯ

Пожалуйста, звездите!

Если бы я была деканом какого-нибудь факультета (отделения, курсов) журналистики, я бы первокурсникам в первый же день напомнила: звезды зажигаются, потому что это «кому-то нужно»… Я бы именно с этого начала, потому что у нас в профессии уже давно звезд нет. И что, нашему обществу они не нужны?



Два дзіўнаватых факта
абумовілі асноўную тэму гэтага нумара

Напрыканцы абітурыентскага сезону Інстытут журналістыкі БДУ аб’явіў дадатковы набор. Дадатковы! На спецыяльнасць і месцы, за каторыя ў часы забранзавелых і нядаўна аформленых зорак прэс-радыё ды іншага сучаснага эфіру змагаліся праз вялікі конкурс!

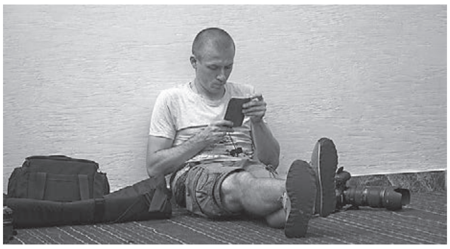
Зоркі – дзе напоўніцу, дзе паўшэптам – хваляваліся: чаму так? Прафесія стала непрэстыжнай? Журналістыку апусцілі ніжэй прапагандысцкага плінтуса? Сумленны прафесіянал не патрэбны гэтай краіне? Ці, можа, увогуле вучаць не таму і не тыя?

Другі дзіўнаваты факт азначыўся позняй восенню падчас набору на ўсялякія курсы-трэнінгі-школкі нефармальнай адукацыі. На аддзяленне журналістыкі Беларускага Калегіюма пажадала паступіць больш, чым на ўвесь журфак БДУ!

Навошта, людцы? Чуем у адказ: то ж прэстыж прафесіі натуральна падае, журналістыку апусцілі ніжэй прапагандысцкага плінтуса – ды глядзі азначанае вышэй, дадавай несказанае.

Што адбываецца з папаўненнем у журналісцкія шэрагі? Чаму і як?

Размова – мяркуючы па ўсім – толькі пачынаецца.



ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

АБАЖУР

№ 4 (118) 2016

Выдавец: ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
Перыядычнасць:
1 раз у 3 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.

Галоўны рэдактар
Уладзімір Барысавіч Дзюба

Здымкі на вокладках:
з архіву «Абажура»,
Генадзь Верацінскі.

Выданне зарэгістравана ў Міністэрстве інфармацыі Рэспублікі Беларусь, рэгістрацыйны № 833 ад 04.12.2009.
Падпісана да друку 04.11.2016.
Дата выхаду 21.11.2016.
Фармат 60x84/8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк.
Наклад 500 асобнікаў.
Заказ №
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
вул. Камсамольская, 7—32.
Тэл./факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
E-mail: abajur@baj.by,
baj@baj.by
Сайт: www.baj.by
Друкарня ТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП № 02330/0552782 ад 01.10.2010 г.
Адрас: 220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10,
(017) 203-53-41,
(029) 623-74-10
medisont@gmail.com
www.medisont.com

Есть ли жизнь после

Получать знания на гуманитарных факультетах не очень обременительно. Заботы приходят после получения диплома.

Светлана БАКСИЧЕВА

Пока ученые размышляют о возможности жизни на Марсе, начинающих корреспондентов и обозревателей интересует приземленный вопрос: «Есть ли жизнь после журфака?» Сомнения в правильности выбора жизненного занятия настигают практически каждого. После очередного такого кризиса вспоминаешь заученное в детском саду «столько есть профессий разных, все их нам не перечесть» и задумываешься, а не пойти ли в приветливый мир, к примеру пиара или копирайтинга? За какой профессиональный камень зацепиться человеку, некогда решившему связать свою жизнь с информацией?

Работа

После нескольких лет учебы возникает — едва ли не у всех — естественное желание найти работу. Полноценную, хорошо оплачиваемую, интересную. Такую, чтобы приходить в офис гореть, а не сгорать. Где же отыскать столь вожделенную вакансию?

Первым делом помочь могут товарищеские связи, тщательно собиравшиеся во времена студенчества. Есть несметное количество примеров, когда журналистами становились люди, имеющие за плечами абсолютно другую профессию. В таком случае должна же быть польза от журфака? Да, и это — всевозможные знакомства. Присовокупив пройденные стажировки, написанные статьи и неубиваемый оптимизм, можно добиться неплохого результата.

Тем не менее вакансия мечты редко оперативно подается на том самом блюдечке с голубой каемочкой. Нужно ее отыскать. Например, через интернет. Впрочем, чаще всего там гнездятся не самые

журфака?

привлекательные вакансии. Разумеется, лакомые кусочки встречаются, но пустующие места заполняются в мгновение ока. Чаще всего, вбив в строку поиска «журналист», получаешь предложения стать копирайтером (почему, остается загадкой), специалистом по продажам, СММ-щиком.

При регулярном просмотре таких вакансий проходишь пять стадий принятия неизбежного:

ОТРИЦАНИЕ
(нет, я никогда не буду писать для компаний, которым нужен не журналист, а пиарщик)

↓

ГНЕВ
(возмущение, сопровождающееся раздраженными монологами)

↓

ТОРГ
(мысль о том, что опыт маркетолога не так плох, а копирайтеры бывают разные)

↓

ДЕПРЕССИЯ
(обдумывание, как дальше жить)

↓

ПРИНЯТИЕ И СМИРЕННОЕ СОГЛАСИЕ,
что физиологический и профессиональный голод не тетка

Если постоянной работы нет, то фриланс — один из самых интересных путей. С внештатным журналистом готовы сотрудничать многие журналы, сайты, газеты. Но если человек недостаточно расторопен, решать денежный вопрос удаленной работой не так легко. Получив деньги за первую статью, радуешься, как ребенок. Энтузиазм несколько гаснет, когда понимаешь, что за месяц должен сделать около 10 материалов. Опытных работников этот фактор держит в состоянии постоянного творческого напряжения. Но перед молодым фрилансером сразу встает масса вопросов: что искать? для кого? в каком ракурсе? Начинающих работников тотальная самостоятельность может и вовсе застопорить: когда опыта немного, хочется получить полезные рекомендации насчет выбора темы, ее правильного раскрытия. Однако с «левым» человеком мало кто захочет нянчиться, и это вполне понятно. В цене занимательный и полноценный материал, а не сырая задумка или текстовый поток мыслей. Свобода и разнообразие против шаткости положения со всеми вытекающими последствиями — вот выбор фрилансера.

В общем, наш рынок труда достаточно неприветлив. Конечно, не все выпускники журфака томятся, ожидая, когда идеальная работа прискачет на вороном коне прямо к подъезду. Многие находят свое место в любимом деле. Однако факт есть факт, и часто вожделенный диплом попадает совсем не туда, куда хочется.

Рост

По идее, следование правилу «ни дня без строчки» может помочь в закономерной трансформации если не в акулу пера, то минимум в человека, хорошо владеющего ремеслом. Однако по дороге от количества к качеству есть вероятность затеряться и попросту не доехать в пункт назначения.

Одна моя знакомая работает в достаточно известном онлайн-издании. Она может назвать много плюсов своего положения, однако есть один недостаток, перекрывающий могильной плитой все преимущества: отсутствие профессионального роста. Дело даже не в лучшей должности или более высоком гонораре. «Темы, которые разрабатываются на планерке, порой достаточно глупые. Они предельно легкие, рассчитаны на читателя, который не хочет сильно напрягаться. Пища не для ума, а для коротания времени. В итоге получаю текстовую чересполосицу: один материал кажется достаточно интересным и нестыдным, следующий стараешься никому не показывать», — признается молодая журналистка.

Человек изрядно зависит от редакции и направленности издания. Если не повезло, то остаться при своих взглядах достаточно сложно. Хочется ли задерживаться в профессии при таком раскладе дел? Не всегда. Журналистика — деятельность,

> ***Не властитель мира, а встрепанный пудель, которого выгоняют отовсюду рассыпающимся веником бюрократии.***

где карьерный рост не такой структурированный, как в других сферах. Развитие идет, скорее, горизонтально: опыт, опыт и еще раз опыт. Однако 500 статей в желтой газетенке не помогут чудесному превращению из утенка-дебютанта в лебедя-мастера.

Есть вторая сторона медали. Нынче от журналиста требуют не только текст, но и фото, видео, инфографику. Это могут быть как самостоятельные продукты, так и второстепенное средство обрамления основной информации. Для пущей наглядности.

Выход один: вспоминать про «ученье — свет» и постоянно совершенствоваться. У журналистов есть один огромный плюс — по всему миру предлагается такое количество стажировок, что представителям многих других профессий представить это изобилие тяжко. Думаю, вряд ли стоит лишний раз упоминать, что изучение английского уже давно стало необходимостью. Обидно упускать замечательные возможности из-за незнания языка.

Многие варианты стажировок предполагают оплату расходов, связанных с проездом, проживанием, питанием. Это очень здорово, но важно привить себе мысль, что подобные семинары вовсе не для развлечения. Нужно не только наслаждаться, но и «мешки ворочать» — использовать полученные навыки в работе, причем незамедлительно. Прямо на тренинге-семинаре: чтобы руководитель/преподаватель имел возможность исправить возможные недочеты или просто помочь мудрым советом. Пока человек не успел отчалить домой, благополучно оставив в чужой стране баул с новыми знаниями.

Удовольствие

Матерые журналисты иногда произносят фразу подобного содержания: «Не думайте, что наша работа — это развлечение». Доля правды есть. Но все-таки присутствует тут некоторое лукавство. Разве не должен человек получать удовольствие от работы? Все равно, кто он — строитель или художник. Журналистский материал сам по себе способен принести и радость, и пользу, несмотря на то, какую тему приходится поднимать — развлекательную или остросоциальную.

Однако от выгорания никто не застрахован. Журналистика — профессия, которая коварно проникает во всю твою жизнь. Семейные или дружеские поездки так и норовят трансформироваться в репортаж, истории знакомых рассматриваются со стороны «будет ли полезно услышать это комунибудь еще». В определенный момент может появиться желание отдохнуть от всего.

Рутина есть и внутри рабочего процесса. Почти каждый материал состоит из множества небольших, но порой достаточно утомительных действий: встречи, интервью, расшифровка, систематизация, оформление. Список можно дополнять в зависимости от специализации журналиста. Во время всего этого тщетно пытаешься придумать интересный заголовок, который еще и содержание не исказит.

И вот через некоторое время выходит статья. Смотришь — а там название другое, текст перелопачен, некоторые фрагменты вырезаны. Это еще не главная боль, все-таки редактору иногда виднее. Начинаешь свирепствовать после того, когда видишь в своем родненьком тексте кучу ошибок, возникших в результате такого перелопачивания. Или, например, слова, использование которых лично тебе кажется не самым удачным вариантом.

Равнодушие к твоим творческим порывам поджидает повсюду. Если искусство рождается из бунта и горячего желания изменить мир, то журналист, движимый такими же благими намерениями, может заплутать между ожидаемым и действительным. Вместо magnum opus — предупреждение не соваться в определенные темы, на смену адекватным собеседникам — нервные, порой слишком грубые сограждане. Не властитель мира, а встрепанный пудель, которого выгоняют отовсюду рассыпающимся веником бюрократии. Иногда даже упоминать не хочется, что ты имеешь отношение к своей профессии.

Впрочем, неприятные моменты встречаются всегда и везде. Тот, кто найдет в себе силы преодолеть их, получит отличную возможность: помогать другим делать мир лучше. Да, именно так. Не вытаскивать утопающих, а находить профессиональных спасателей. Это благородная роль, которую достаточно сложно получить.

Сложно спорить: судьба заносит куда угодно. Но вряд ли фатализм играет здесь большую роль. Скорее ум и внутренние качества. Помните огромную рекламу на Немиге, где был изображен Александр Солодуха и некий молодой человек? Там же надпись: «Жан Содель — лучший ведущий свадеб, выпускных, корпоративов». Угадаете, выпускник какого факультета этот самый парень?

Хочется верить, что у рассказа «Жизнь после журфака» есть иной конец, нежели «…а потом они все стали программистами».

Эдуард Мельнікаў: «Ідэальнай формулы няма»

У сённяшніх рэаліях чалавек, які імкнецца стаць годным спецыялістам, разумее, што адной толькі дзяржаўнай ці іншай «афіцыйнай» адукацыі недастаткова. Скіраваныя на поспех і кар'еру наведваюць шматлікія курсы, трэнінгі, лекцыі…

Мы пагутарылі з сябрам Беларускай асацыяцыі журналістаў, прафесарам Еўрапейскага гуманітарнага універстэта, аўтарам і вядоўцам штотыднёвага ток-шоу «Форум» тэлеканала «Белсат» Эдуардам Рудольфавічам МЕЛЬНІКАВЫМ, каб даведацца, чым адрозніваюцца метады выкладання журналістыкі ва ўніверсітэце і на «нефармальных» курсах, што неабходна ведаць/вывучаць, каб стаць сапраўдным журналістам, і які карысны дослед нам варта пераняць ад больш развітых у гэтым пытанні краін.

— *Эдуард Рудольфавіч, перш чым параўноўваць дзве сістэмы навучання — фармальную і нефармальную, — давайце высветлім, што ёсць журналістыка сёння.*

— Прафесійная журналістыка мае гісторыю даўжынёй больш за 400 год, калі з'явіліся першыя газеты. Што ёй трэба навучаць, зразумелі канчаткова недзе напрыканцы XIX — напачатку XX стст. Тады з'явіліся першыя школы журналістыкі, пасля — універсітэцкія курсы. Так вылучылася асобная прафесія — журналіст. Сёння мы кажам ужо «медыі», а не журналістыка, хаця апошняя нікуды не знікла, яна засталася стрыжнем дзейнасці. Па-ранейшаму трэба ствараць тэксты, але ў сучасным кантэксце гэта не толькі пісьмовыя тэксты, але і візуальныя, і мультымедыйныя.

— Якімі рысамі, здольнасцямі павінен валодаць журналіст ці чалавек, які хоча быць журналістам? Ёсць такія?

— Ёсць. Схільны да журналістыкі перш за ўсё экстраверт, які імкнецца да зносін з людзьмі, які жадае ўвесь час чагосьці дазнавацца і адчувае сябе пры гэтым вельмі камфортна. Другая важная рыса — моцны этычны складнік характару. Бо прафесія журналіста стваралася не толькі каб інфармаваць людзей, расказваць ім пра свет, але і каб бараніць тых, каму кепска, каго пакрыўдзілі. Важныя тут і асабістыя дадзеныя: голас, знешнасць (для ТБ і радые), уменне працаваць з сучаснымі прыладамі і г. д. Але каб стаць добрым журналістам, неабходны яшчэ трэці складнік: шырокая гуманітарная культура і шырокая дасведчаннасць. Часта журналістаў называюць прафесійнымі дылетантамі, бо яны ведаюць пакрысе, патроху, але шмат чаго. Гэта дазваляе ім арыентавацца у самых розных слаях нашай рэчаіснасці.

— Як развіваюць гэтыя здольнасці ва ўніверсітэтах і ў іншых установах?

— Існуюць два накірункі. Можна прыйсці ў рэдакцыю, дзе цябе прымацуюць да настаўніка, да рэпарцёра, ты за ім увесь час будзеш хадзіць і таму-сяму навучышся. Але ты станеш гэтакім эмпірыкам, які добра ведае практыку, але не разумее агульнай мэты сваей дзейнасці. Такіх людзей шмат. Часта яны ўвесь час рэпарцёрамі працуюць, але не ўздымаюцца вышэй: ім ужо не трэба, няма амбіцый. І такіх работнікаў выдатна рыхтуюць самі рэдакцыі ці, напрыклад, сярэднія навучальныя ўстановы па журналістыцы, каледжы, тэхнікумы. Я ведаю такія ў Швецыі, Даніі… Але каб быць здольным не толькі выконваць заданні рэдактара, але і генераваць ідэі, ствараць новыя накірункі медыйнай дзейнасці, неабходна мець базіс, мець грунтоўную філасофскую, літаратурную, філалагічную падрыхтоўку. І гэта ўсё дае ўніверсітэт (Universum — Сусвет). Аднак тут, наадварот, у пэўным сэнсе кульгае практыка.

— А калі параўнаць увогуле фармальную адукацыю і навучанне на курсах, трэнінгах, як моцна адрозніваецца методыка? У чым хібы і перавагі гэтых дзвюх крыніц ведаў?

— Моцны бок трэнінгаў і курсаў — гнуткая сістэма. Універсітэт павінен сертыфікаваць свае праграмы, што робіць, напрыклад ЕГУ ў Літве. Курсы, трэнінгі, як у БАЖы ці Беларускім Калегіюме, хутчэй адпавядаюць запытам імклівa зменлівай сітуацыі на рынку медыйных паслуг і інфармацыі. Штотыдня, калі не часцей, з'яўляюцца новыя інструменты фактчэкінгу, пошуку інфармацыі, выяўлення маніпуляцыі і г. д. Вось такім інструментам розныя курсы, трэнінгі, семінары навучаюць лепей і хутчэй. Аднак праблема тут паўстае іншая — «бізуна» не хапае. Колькі аматараў паездзіць па семінарчыках у Вільню, Польшчу… І нічога адтуль не вынесці. Ва ўніверсітэце добры кантроль: не здаў, атрымаў незадавальняльную адзнаку — выключаць. Крыху прымус павінен быць, іспыты нейкія, а таксама фідбэк, каб даведацца, што студэнт засвоіў, чаго ён хоча, што далі курсы, трэнінгі. Тут можна ўзгадаць вельмі карысную электронную сістэму кіравання навучаннем Moodle, якую выкарыстоўваюць навучальныя ўстановы па ўсім свеце, ЕГУ ў тым ліку.

— Хто звычайна прыходзіць на курсы, трэнінгі: больш маладыя спецыялісты, што скончылі журфак, ці сталыя журналісты?

— Больш маладыя, канешне. Да таго ж яны больш карпаратыўна згуртаваныя. Часта рэгіструцца ў БАЖы толькі на курс, а пасля, пабачыўшы, што гэта такое, становяцца сябрамі Асацыяцыі, далучаюцца да ўсёй адукацыйнай дзейнасці.

— То бок, гаворачы пра перспектывы, такія «нефармальныя» трэнінгі, курсы звязваюць з пэўнымі людзьмі, арганізацыямі, у той час як дзяржаўны ўніверсітэт дае грунтоўную базу, але паказвае толькі адзін шлях — у дзяржаўныя газеты, так?

— Не зусім. Гэта звязана з іншай праблемай: у Беларусі няма паўнавартаснага рынку інфармацыі. У нас ёсць дзяржаўная прэса, якая сілкуецца дзяржаўнымі грашамі. І гэта нонсэнс, бо дзяржаўнай прэсы няма нідзе. Прэса павінна зарабляць у свайго чытача. Могуць быць асобныя гранты, якія выйграе тая ці іншая газета, радыёстанцыя ці кампанія, на артыкулы па тэме, да прыкладу, нацыянальных меншасцяў ці іміграцыі, каб інфармаваць грамадства пра пэўныя праблемы. Але поўнае дзяржаўнае фінансаванне непрымальнае. Дык вось, незалежныя медыі прапануюць нашмат меней працоўных месцаў, але яны таксама ёсць. І туды ідуць і пасля ЕГУ, і пасля БДУ. Галоўнае — што вынес чалавек з універсітэта, чаму навучыўся.

— Якія яшчэ адрозненні ў сітуацыі з журналістыкай, яе выкладаннем, ў Беларусі і замежных краінах? Чаго нам не стае? І чым, наадварот, мы можам пахваліцца?

— Параўноўваць даволі цяжка. Я ведаю моцныя бакі факультэта журналістыкі ў БДУ: выдатная грунтоўная філалагічная падрыхтоўка. Мовы, літаратура. У свой час мы за семестр прачытвалі дзясяткі раманаў — з бібліятэкі не вылазілі. Да таго ж колькі выдатных людзей скончылі журфак! Між іншым, Святлана Алексіевіч — мая аднакурсніца па журфаку БДУ.

Так, часцяком кажуць, што журфак ідэалагізаваны, але я бачу па навучальнай праграме, што і там шмат каштоўных дысцыплін ёсць. То бок, бяры тое, што табе трэба.

Канешне, галоўнае адрозненне нашых навучальных установаў ад заходнееўрапейскіх — Балонская сістэма. У БДУ ўсё ж ты прыйшоў і ясі, што даюць, а тут — абіраеш сам, як на шведскім стале. Тваё навучанне ў выніку атрымліваецца ўнікальнае, бо ты сам вырашаеш, якія прадметы вывучаць, куды паехаць па праграме «Эразмус»… Галоўнае — набраць неабходную колькасць крэдытаў. Беларусь фармальна далучылася да Балонскага працэсу. Але пабачым, што гэта прынясе на практыцы.

Часта журналістаў называюць прафесійнымі дылетантамі, бо яны ведаюць пакрысе, патроху, але шмат чаго. Гэта дазваляе ім арыентавацца у самых розных слаях нашай рэчаіснасці.

— Вяртаючыся да журналістыкі як прафесіі, што важней: практыка ці тэорыя?

— Наконт тэорыі журналістыкі самой па сабе мая асабістая думка наступная: калі ў біялогіі ці фізіцы ёсць канкрэтны прадмет навукі, то журналістыка — гэта быццам коўдра з абрэзкаў. Яна ўключае і сацыялогію, і псіхалогію, і этыку, і інфармацыйную дзейнасць, і, нарэшце, філалагічную культуру, веданне прыёмаў пісьма… І я пералічыў далёка не ўсе складнікі.

— Тады як жа правільна выгадаваць журналіста, каб і тэорыю даць, і практыку?

— Ідэальнай сістэмы няма. Але самае ідэальнае, напэўна, будзе так: спачатку моцная падрыхтоўка ва ўніверсітэце, наданне асобе грунтоўных базавых ведаў, і не толькі ведаў, а ўжо асабістага адчування гуманітарнай культуры. Пасля — узбройванне працоўнымі інструментамі, пра якія мы казалі вышэй. Дарэчы, найлепшыя універсітэты імкнуцца гэта даваць адначасова.

А ўвогуле ўсё залежыць ад асобы. Зараз такі свет, што вышэйшая адукацыя, якая б яна не была сучасная, заходнееўрапейская, амерыканская ці постсавецкая, ператвараецца ў пыл праз некалькі гадоў пасля сканчэння навучання. Усё змяняецца, і вельмі імкліва. Таму трэба вучыцца усё жыццё.

**Размаўляла
Марыя КЛІМЕНЦЬЕВА**

Пожалуйста, звездите!

Решительно ненаучное исследование на тему «Как стать лучшим по профессии». Рекомендовано только молодым и рьяным.

Если бы я была деканом какого-нибудь факультета (отделения, курсов) журналистики, я бы первокурсникам в первый же день напомнила: звезды зажигаются, потому что это «кому-то нужно»… Я бы именно с этого начала, потому что у нас в профессии уже давно звезд нет. И что, нашему обществу они не нужны?

Марина БЕЛЯЦКАЯ

Сто раз об этом писали. Говорили, что, мол, после 90-х уже второе десятилетие идет, а огоньки от журналистики, если и зарождаются, то сразу куда-то исчезают: либо гаснут, либо перебираются в другие места и светят там. А то и превращаются в некое подобие светящейся точки — искусственного спутника, который движется по заданной идеологической орбите и всего лишь мерцает тусклым фонарем. Под фонарем, как правило, плакат: либо «Жыве Беларусь!», либо «Да здравствует стабильность!». Но на блеклые спутники, к сожалению, никто особо не смотрит, ведь они чувств не задевают — мерцают себе и мерцают на медийном небосклоне, а потом — каждый в свой ангар.

А хочется все-таки звезд.

Однако не успеешь написать: «У нас в журналистике звезд нет» — как тебе сразу повалят комментарии, наиприятнейшим из которых будет «сам дурак». Причем авторами комментов будут даже не те, кто обиделся, что их «яркости» не заметили, а те, кто только на неуклюжих комментариях и специализируется.

Но… знаете, так надоели эти «искусственные спутники» от журналистики, что я все-таки порассуждаю на эту тему.

Несвежий и свежий примеры

Вот не слишком свежий, но ярчайший пример. На позапрошлых выборах наши оппозиционеры искали авторитетное журналистское мнение — хотели сделать такой ход: идет митинг, мы звоним звезде журналистики и она нас прямо по телефону (а телефон — к микрофону) БЛАГОСЛОВЛЯЕТ в знак поддержки прямо на митинге. И попросили не кого-то из белорусов, а Леонида Парфенова. Он очень удивился, но отмазался,

мотивируя тем, что уже сидит в самолете и во время митинга будет еще лететь. И главное, не соврал: в телефоне был слышен голос стюардессы.

Ну, улетел и улетел. От идеи решили отказаться. Из наших о словесной поддержке никого не просили. И дело не только в том, что наши и подавно отказались бы. А в том, что весовая категория не та. Ненастоящие какие-то наши звезды, и это очень обидно.

А теперь — свежий пример. На сайте «СБ» появилась статья в блоге Дмитрия Партона: «Журналист — человек, занимающийся журналистикой».

Смотрим, кого упоминает Партон в тексте о профессии: «…можно потрясать дипломом факультета журналистики, корочкой какого-то СМИ и брюзжать на интернет, форумы, колумнистов, блогеров и какого-то пацана-школьника Диму Ермузевича, который собрал более полумиллиона подписчиков своего видеоблога и даже не претендует называться журналистом. Да что белорусский Дима. Лидером российской молодежной видеоблогосферы является ВаняEeOneGuy. У него более шести миллионов подписчиков и почти полтора миллиарда просмотров! Уж простите, из песни слов не выкинешь, но видеоблоги называются: "Приключения большого…"».

Я, в отличие от Партона, не могу целым абзацем перечислять названия мега-блогов шаловливого российского Вани, а просто назову, на кого еще ссылается в своем тексте Партон. Упомянуты: российский проект «Сноб», газета «КоммерсантЪ», главный редактор журнала «Русский репортер» Виталий Лейбин, бывший секретарь Союза журналистов России Игорь Яковенко, украинская журналистка Ольга Лысенко и (целиком) Российская общественная коллегия по жалобам на прессу: «…такие гранды, как Познер, Сагалаев, Арапова, Сванидзе, Млечин, Вартанова и другие известные журналисты». В тексте Партон безымянно похвалил свой портал («СБ») — за количество посещений — и больше никаких упоминаний об отечественном. Ни одного нашего, кроме разве что школьника Ермузевича.

Вы скажете: так это ж ясно-понятно, это ж у них там, в «СБ», героев нет. А вот у нас!…

Ничего подобного. Читаем комментарии — ни одного слова про какую-то нашу журналистику и звезд. Про BBC, CNN есть, «Голос Америки» присутствует, естественно — Киселев, Венедиктов, Ганапольский, Пархоменко и Латынина, Соловьев (обо всех, правда, ругательно). И ни в одном комментарии ни одного упоминания наших персонажей. НИ ОДНОГО. Ни «честного», ни «нечестного». Вы скажете: «Ага, у них же и на форуме одни СБэшные!». Ерунда — там всякие. Вот некто «Лявон, ВКЛ» даже как бы подвел итог: «Обсуждение статьи свелось к спорам критиков и защитников российских журналистов. Это — очень УЗКО! А где, например, оценка журналистов «Шарли Эбдо»?

…Неожиданная концовка, не так ли? Где «Шарли Эбдо»?! …И Бог бы с ними, французами, если хотя бы кто-нибудь спросил: где наши?

Про них народ безмолвствует. Вопрос: почему?

Нерепрезентативный опрос

Попробуем понять, почему. Казалось бы, вот в телевизоре рекламируют телеведущие стиральный порошок «Мара» — значит, звезды есть: в рекламу незвезд не зовут. В независимой прессе тоже хватает популярных комментаторов и аналитиков. Пусть порошок им не доверяют, но зато, как только появляется инфоповод, они в белорусской и в зарубежной прессе много и часто комментируют. Мы их всех знаем, люди в нашем кругу реально известные и авторитетные.

Но вот я спросила у одной родственницы, которая не имеет отношения к моей профессии, кто, по ее мнению, звезда белорусской журналистики. Она слету назвала первую тройку: Якубович, Шеремет и Гигин. Потом под нажимом подумала, но так и не смогла вспомнить фамилию: «того небритого, который в телевизоре — неприятный такой». Я попросила назвать не из прошлой жизни и не из телевизора, а ныне пишущих. Она честно мучилась, но не вспомнила никого (ни из обычной, ни из деловой прессы). Тогда я стала перечислять фамилии и следить за реакцией, как на детекторе лжи. Родственница попыталась выкрутиться:

она прекрасно помнит моих бывших коллег по «Свободным новостям» и, чтобы сделать мне приятное, хотела назвать их всех. Но я по понятной причине этот список как «устаревший» отмела.

Наконец испытуемая отреагировала на Алеся Залевского, хоть и не сразу поняла, где о нем слышала. После того как я объяснила, кто это, она обрадовалась, сказала: «О, точно!» и известность Залевского (но не звездность) подтвердила. Еще она вспомнила (читает «Народную волю») некоторые «старые статьи редактора», а из авторов только Калинкину и Молочко. Но в принципе в «настоящих звездах» у нее так и осталась первая тройка. И (на приставном стуле)«неприятный "из ящика"».

Когда я предложила «небритого» в звездах не учитывать, родственница возмутилась и сказала: «Нравится — не нравится, спи моя красавица! Спроси, — говорит, — вон у Тани (это ее подруга). — Она тебе вообще одних только "из ящика" перечислит, а народ у нас в основном, как Таня».

Понятно, что, не имея под рукой репрезентативной выборки, я не могу претендовать на точность исследования. Но доводы родственницы все-таки имеют право на жизнь. И факт остается фактом: нравится — не нравится, а настоящих, безоговорочных звезд журналистики у нас нынче нет. А небритый-таки остался в фаворитах!

В чем проблема

Я помню двухлетней давности текст Сергея Плыткевича на ресурсе tut.by в рубрике «Мнение». Он рассказал, почему ушел из публицистики. Написал о политической ангажированности нашей братии, и о неумении (нежелании) разобраться в своих темах, и о непрофессионализме, и о малой аудитории читателей (слушателей). А закончил он свое «Мнение» такими словами: «…что касается политической журналистики, то вполне возможно, что в каких-то белорусских изданиях публиковались достойные аналитические материалы, но они, к сожалению, не известны широкой общественности».

Под статьей Сергея Плыткевича было 177 комментариев, разных, но ругательных, как ни странно, было не так много. К примеру:

> **tatyana_martynenkova:** *«Да, хорошо, вопросы поставлены грамотно. Сама так же ставила… У кого … голова есть — те жить хотят и в эту кашу не полезут. Что делать будем, коллега? Дальше… смотреть-читать-анализировать и ждать, что там окажется на самом деле? …Будем, куда мы денемся-то…»*
>
> **skeptik-71:** *«Очень приятно почитать размышления человека думающего, а не кидающегося "лозунгами с броневика"».*
>
> **m-vornet:** *«У нас люди не желают самостоятельно думать, получая только однобокую информацию, и не пытаясь ее анализировать, сразу начинают делать какие-то выводы. А на самом деле, если полазить по инету и спокойно почитать разную инфу, то собственное мнение можно самим составить».*

Последний комментарий самый оптимистичный и практичный: раз журналистика «такая», помоги себе сам.

Итак, сделаем пробные выводы: нас мало читают, потому что пишем с броневика или подаем однобоко? Я не утверждаю, я предполагаю, но если принять эти выводы за рабочую гипотезу, очень многое удастся объяснить. Например, почему наши не звездят.

«Людям неинтересно. Не занимают их факты, которые мы для них находим и описываем. Не увлекают их наши объяснения этих фактов. Не нравится сплетение сюжетов. Наше профессиональное мастерство находится на таком «не том» уровне, что мы своих читателей не очень-то увлекаем. И мастерством-то такое как-то неловко называть, не правда ли?»

Это высказывание не из комментариев. Я специально не называю автора, чтобы прочли без всякой оглядки. Тут важно просто вникнуть в суть.

Откуда дровишки?

Теперь хочу напомнить, откуда в основном у нас берутся журналисты. А потом разберемся, почему они у нас на броневике и со «своим боком».

Ясное дело, готовят журналистов на журфаке. Но ведь нашей профессии не обязательно учиться именно там. Может, даже лучше не там, а где-то в другом вузе, где не навешают ярлыков, не усадят в рамки и не станут мучить теорией и «практикой».

А дадут какое-то еще и отдельное образование. Журфак, как мне помнится, был ценен двумя факторами: заставлял прочесть уйму художественной литературы и в лице Ангелины Александровны Руденко повелевал выучить хотя бы русский язык. Это тоже немало. Но кроме главного журфака у нас есть еще вузы, которые вообще непонятно чему учат. Они вроде как готовят коллег-конкурентов, а вроде как нет. Давайте внесем ясность, что это за места.

Журналистские дипломы выдает в Минске Институт парламентаризма и предпринимательства — там нет разделения по специальностям, что крайне странно. В двух областных вузах есть ответвления: в Гродненском университете им. Я. Купалы на филологическом факультете — кафедра журналистики, в Могилевском университете им. А. Кулешова тоже на филфаке — обучение только для печатных изданий.

Белорусский педуниверситет им. М. Танка дает специальность «Беларуская мова і літаратура. Журналістыка». Тут вообще непонятно. Можно себя убедить, что хоть белорусскоязычную прессу на языковой уровень поднимут. Но там вообще не учат профессии. Об этом узнаем из откровений молодой «специалистки»: «Нам читают основы журналистики, теорию и практику журналистского творчества, литературное редактирование и еще много других дисциплин», — делится с читателями сайта БСЖ Анастасия Барбосова, выпускница БГПУ им. М. Танка. «Жаль, — пишет девушка, — существенно содержание этих предметов не меняется: что рассказывали на первом курсе, то и на пятом!» То есть явно действует принцип: повторенье — мать ученья, а собственно журналистика — дело десятое. Анастасия сообщает: «…практика у нас не каждый год. Так, за пять лет я лишь два раза “работала” в газете».

Эту информацию я почерпнула с сайта Белорусского союза журналистов (bsj.by), который перепечатал из студенческой газеты «ЖурФАКТЫ» текст Вероники Молоковой (она интервьюировала г-жу Барбосову). Не знаю, кто там у них наставник, в этих «Журфактах», но стиль заметки — даже по трем предложениям видно — удручает.

Теперь вернемся к основной кузнице и посмотрим, кого нынче готовят в главном храме — Институте журналистики БГУ. Тут потенциальных звезд куют неустанно — по полторы тысячи за пятилетку. Позже посмотрим, кого на деле выковывают и куда предлагают их «фасовать» в таких объемах.

Специальности выделяют такие:
— журналистика (печатные СМИ);
— журналистика (аудиовизуальная);
— журналистика (веб-журналистика);
— журналистика (менеджмент СМИ);
— международная журналистика;

— информация и коммуникация;
— литературная работа (редактирование);
— литературная работа (творчество).

Это я перечислила вот к чему. На сайте журфака абитуриентам не только предлагают всю палитру, но и показывают нишу, отведенную для применения талантов. Для семи специализаций (кроме восьмого «творчества») институт коротко определяет такие понятные сферы деятельности, как СМИ, информационные и рекламные агентства, интернет-издания, издательства и т. п. Но это не все. И вот тут — прошу внимания: есть еще перечень иного применения, он значительно длиннее:

— пресс-службы законодательных, исполнительных органов государственного управления, министерств и ведомств республиканского подчинения;
— подразделения, занятые изучением функционирования средств массовой информации;
— учреждения Министерства информации Республики Беларусь и других министерств и ведомств;
— управленческие и экспертные учреждения различных министерств и ведомств;
— прочие организации различных форм собственности, связанные с производством и трансляцией аудиовизуальной продукции.

Судя по такому подробному списку, на журфаке стоит задача взращивания не столько личностей, сколько обслуживающего персонала для учреждений, подразделений и разного рода органов. И в подтверждение этому — сайт журфака. Там я нашла буквально несколько унылых заметок про мастер-классы и лекции, проведенные какими-то специалистами (зарубежными в том числе), но ничего про постоянные творческие мастерские реальных звезд. И про какие-либо самостоятельные творческие достижения там тоже ничего нет. А ведь это для молодых и впитывающих — самое главное.

Если бы я был начальником

Если бы я все-таки стала деканом журфака, я бы ввела еще одно новшество помимо обязательного зачитывания цитаты из Маяковского про зажигание звезд. Я бы принимала абитуриентов только после серьезного собеседования с практикующими профессионалами и распределяла бы их только по творческим мастерским. И ведет своих «птенцов» матерый журналист аж до выпуска. Вот тогда это было бы весьма интересно и полезно.

…Понятно, что это мое «начинание» звучит красиво, но мало сообразуется с реальностью. В реальности мы имеем вот что. На фото на сайте журфака — постаревшие лица преподавателей, которые учили еще нас (и до нас). К примеру, возьмем отделение РТ (радиотелевидение). Кое-кто преподавал РТ еще в 1970-х, когда в аудитории стояла раритетная неработающая бандура-камера.

Очень грустно, но я даже не помню, что (уже в мое время) по профессии рассказывали. Но отлично помню свой первый опыт на Гомельском телевидении, где мы с однокурсницей трудились с остальными репортерами теленовостей на равных. Это было во время практики на втором курсе. Я и сейчас назову имена всех до одного телевизионщиков, которые решительно отправляли нас на съемки новостей вглубь Полесья. Мы ехали в поля на «линейки готовности», где, завидев нас, председатели колхозов чуть ли не падали в обморок — причем они пугались нас раньше, чем по неопытности успевали испугаться мы.

Я помню свой первый и единственный — ужасный — прямой (!) эфир. Помню все сюжеты, которые были признаны хорошими, их отправляли «на Минск», оплата была в двойном размере — 9 рублей!

Я до сих пор не понимаю, зачем же тогда мне был нужен журфак? Кроме полного объема мировой литературы, русского языка и каких-то общих представлений о философии, я ничего оттуда не вынесла. Да и как я могла вынести что-то профессиональное, если у теле-преподавателей не было даже этих моих впечатлений, пусть от провинциального, но реального телевизионного и радийного процесса! Они пришли из аспирантуры и никогда (в отличие от меня, второкурсницы) не готовили реальных передач! Я очень уважаю труд преподавателей, но научиться конкретно профессии все-таки хотелось если не у Парфенова,

Чего ждут от молодых журналистов работодатели

(реальная выборка потребностей за последние пять лет):

- ★ горящие глаза и адекватное восприятие собственных возможностей;
- ★ творческий запал;
- ★ возможность быстрого «переключения» с клипового на линейное мышление;
- ★ умение быстро, грамотно и качественно писать тексты разных видов и стилей;
- ★ активность, жизнерадостность;
- ★ умение писать рекламно-информационные материалы;
- ★ ежедневный мониторинг новостей в соответствии с заданной тематикой;
- ★ редактура текстов;
- ★ ведение соцсетей, сайта, наполнение новостным контентом, интервью, фоторепортажами;
- ★ много креатива при разработке проектов;
- ★ подготовка и написание интервью с представителями различных бизнес-компаний;
- ★ интерес к сфере IT;
- ★ умение ориентироваться в современных технологиях продвижения проектов;
- ★ презентабельная внешность, хороший словарный запас и широкий кругозор;
- ★ умение общаться и вести переговоры, умение вести себя, высокий уровень культуры.

Еще среди нас ищут:

- ★ творческих людей, которые жаждут новых открытий и жить не могут без рекламы и пиара;
- ★ сумасшедших, готовых строчить сотни объявлений, выдавать крутые слоганы и безудержно продвигать все, что им попадается под руку;
- ★ «Джереми Кларксона и Михаила Петровского» (то есть нужны писатели, которые могут «сделать это само собой — легко, но которые хотят большего!»);
- ★ людей, которые верят в то, что они изменят мир своими статьями (!);
- ★ таланты, которые «может быть, создадут отечественную школу автомобильной журналистики или хотя бы зададут планку!»

И только в одном месте было требование: ★ умение мыслить.

то хотя бы у тех моих гомельских наставников.

О модернизации учебы

Затронем еще одну очень важную часть нашего «звездного» вопроса.

О совершенствовании высшего образования говорят много и уже так давно, что даже неудобно напоминать дату первой публикации на эту тему. Но вот последняя заметка появилась совсем недавно — в сентябре 2016 года, после того как в Минске прошла Международная научно-практическая конференция, посвященная вопросам высшей школы и вступлению Беларуси в Болонский процесс, куда нашу страну, как мы знаем, приняли пока условно — с дорожной картой, положения которой традиционно оспариваются или просто не выполняются.

Это ли не тема для обсуждения в студенческой прессе? Я старательно поискала в сетях и могу сказать точно: ни одного представителя ни от одного из вышеописанных «журфаков» на конференции, где говорили о будущем студентов и выпускников, замечено не было. А ведь на конференции говорили о том, что работодатели недовольны уровнем подготовки выпускников. Директор образовательного и кадрового центра «Новое завтра» Ольга Рудь сказала: «…диплом не оценивается как достижение работника. Нужно обращать внимание на компетенции, умения, а не на диплом».

И с этим не поспоришь, в доказательство тому есть достаточно примеров. Но продолжим этот разговор в следующем номере «А», затронув такие интересные аспекты, как субъективный взгляд на звездность, как не дать умереть журналистике и почему на журфаке в ближайшее время не будет однофамильцев.

(Продолжение в следующем номере)

Белорусы не умеют работать:

«звезда во лбу», непунктуальность и прочие пороки медиасферы

У директора KYKY наболело. С такой силой, что Агния Лойка танком прошлась по главным порокам журналистики. Агния настаивает, что ее взгляд на журналистику — именно мнение человека со стороны («до сих пор не считаю себя представителем медиа, и да, я знаю, что это «стадия отрицания»).

Агния ЛОЙКА, KYKY.org

Больше года назад я оказалась в KYKY на должности директора. Завлекла меня бывшая сокурсница, а также уважаемый мною человек из сферы рекламы, где я к тому времени уже успела десять лет проработать. Из предварительного общения с редакцией у меня сложился образ интересной, хоть и сложной работы, с обязательной примесью героизма. В реальности же… Костяк этой статьи под лаконичным названием «Белорусы не умеют работать» зародился у меня еще в первый месяц испытательного срока явно на волне охреневания от происходящего вокруг. Короче, моей первой реакцией на медиапространство был шок.

Порок номер один. Звезда во лбу

Почти у всех журналистов и экспертов, с которыми мне довелось сталкиваться за это время, перманентно «ззяла, як зорка Венера» звезда во лбу. Откуда? На каком основании? Понятия не имею. Более беспочвенного ЧСВ не встречала даже у представителей крайне творческих профессий вроде актеров и режиссеров (нередко инопланетных или близких к сумасшествию). «Акулы пера» считали себя как минимум «хантэрами томпсонами» и как максимум — чрезвычайно талантливыми молодыми писателями. По факту же за ними числились средние способности, словоблудие, плохая орфография, боязнь подойти к человеку на улице, невозможность соблюдать сроки публикаций, часто банальное отсутствие опыта в диком сочетании с нежеланием слушать комментарии редакторов. У меня челюсть отвисала от удивления, когда человечек 1996 года рождения с незаконченным высшим образованием пререкался с главным редактором, не желая переписывать текст. Я бы уволила сразу ввиду неадекватности. Но я не была редактором — продолжала почти молча наблюдать.

Порок номер два. Непунктуальность

Как человек, взращенный в бизнесе, я абсолютно не понимаю, как можно опоздать на встречу на час. Или вообще не прийти. Буквально на этой неделе журналист объяснял мне свое отсутствие на стратегической планерке тем, что сидел в кафе в соседнем здании и, попивая кофе, пытался переубедить его владельца в политических взглядах, «потому что я не мог просто так уйти». Да, супер! Это очень помогло нам в создании стратегии проекта. Но самым

знаменательным я считаю случай, когда кандидатка в редакторы написала мне в день собеседования, что не может приехать в редакцию, так как заболела, и предложила мне самой приехать к ней домой. На Каменную горку. В чем кроется такое наплевательское отношение к чужому и своему времени? Не понимаю до сих пор. Блин, время — это все, что у нас есть! Люди, цените его.

Порок третий. Незнание цены деньгам

Очень умиляет, когда «молодой специалист» ноет о том, что ему в журналистике мало платят. Его не ценят. Его очень сильно редактируют. Расслабьтесь, ваше нагромождение букв зачастую вообще ничего не стоит и только лишь способствует энтропии Вселенной. Во всех нормальных издательствах молодым журналистам не оплачивают стажировки (хотя под них можно выбить грант). Заикнитесь в Беларуси о бесплатной стажировке с возможностью публиковать под своим именем статьи (эту возможность предоставляют далеко не все издания!) — гарантированно получите порцию презренных взглядов от молодых авторов. Когда я говорю об этом коллегам из Украины или России, они просто не понимают, как такое может быть, ведь у них на подобную стажировку очереди стоят. Можно долго разглагольствовать о разнице наших медиабизнесов (и что в Беларуси это даже не бизнес), но разница в отношении слишком разительна.

Иногда мне хочется организовать принудительную трудовую стажировку молодых журналистов, например санитарами в больницу скорой помощи, чтобы они получили за месяц зарплату этого самого санитара. Или хотя бы в переходе листовки раздавать. Или по десять часов в сутки выстаивать на промоакциях с улыбкой на лице и пробниками в руках. Чтобы понять наконец, как тяжело трудом заработать то, что в нашей стране называется «прожиточный минимум». Наконец, у журналистов не самые низкие зарплаты, уровень которых, на секундочку, определяется количеством приложенных усилий (то есть количеством написанных статей).

Еще один подвид — молодые любители «чаркі ды шкваркі». Проводя собеседования на продавца для KYKY, заметила очень противную тенденцию — люди хотят гарантированный оклад в 5 млн старыми.

Сидит передо мной очередная девушка из небольшого города в Минской области и говорит, что она профессионал (опыт в продажах — 1 год), но без 5 млн оклада работать не будет. Ничего, что по классике жанра продавец должен жить с процента от продаж? Нет, не видели, не знали, удивленный взмах ресниц. Сидишь, грустно смотришь на нее и думаешь: «Ведь ты же молода, у тебя есть силы землю на работе рыть за личный результат, фигачить, наяривать, вджобывать, конкурировать с сотрудниками отдела, а не ж…у просиживать за 5 млн». Ай…

Порок четвертый. Безответственность

Вот это главный бич современности. Сколько раз меня кидали по срокам и проектам — за этот год не подсчитать. А если бы подсчитала, то забилась бы в уголке и горько-горько плакала. Почему-то именно в сфере медиа считается нормальным (обычным, рядовым, из ряда вон НЕ выходящим) игнорировать сроки, не поднимать телефон, если накосячил(–а), не принимать к сведению замечания. Надо сказать, что в работе я человек достаточно строгий, возможно, не слишком приятный. Но в такой среде полного пофигизма к общему делу и результату я практически превратилась в робота Бендера, шепчущего во сне: «KILL ALL HUMAN».

Вы когда-нибудь слышали об инженере, программисте, слесаре или водителе автобуса, который не пришел на работу только потому, что ему рано было вставать, а вчера он был на вечеринке? Наверное, этот человек был бы уволен после такого рассказа. Но нет, среди журналистов такая тема вызовет лишь умиление и вопросы, что это была за вечеринка, было ли там круто и есть ли фоточки в Facebook. В самом жестоком случае журналиста пожурит редактор, если заметит его отсутствие на планерке и вообще если сам будет в это время на работе. Безответственность — самая заразная болезнь, разъедающая белорусскую журналистику (поправьте, если ошибаюсь, потому что с безответственностью еще может померяться силами лень). И уж точно белорусской журналистике не достичь приличного уровня, если не выстроить эффективной системы работы и не взрастить уважение к своему труду.

Порок пятый. Отсутствие огня в глазах

Вот этого я вообще не понимаю. Как в молодости можно не «гореть» хоть чем-то? Музыка, секс, любимое хобби? Современных 20-летних рождали уже перегоревшими? Весь мир как прочитанная книга? Очень неуютно видеть рядом с собой людей, которые и в 20, и в 30 лет не знают, кто они и чего хотят. И самое страшное — даже не стремятся узнать. Этакие перекати-поле и «если мне нравится, то возьмусь, а если не нравится, то буду и дальше маяться в страданиях». Все, что они делают — идут по накатанной и перекладывают ответственность за свою жизнь на других (общество, государство, маму, директора). Совсем как брюзжащие тетеньки с начесами в кабинетах с линолеумом, над которыми они же так любят смеяться. Вся эта ситуация напоминает мне момент из сериала «Black Books», где героиня Фрэн получила работу, не зная, в чем она заключается, и по итогу просто тыкала пальцами по клавишам.

Огонь в глазах — это базовая опция любого молодого (и не очень) специалиста. Ты можешь бояться, ты можешь чего-то не знать, ты даже можешь быть застенчивым и неуверенным в себе. Но пробовать! Чувствовать внутри себя щекотку от желания узнать, самореализоваться, сделать что-то новое. Диджитал-медиа в этом плане — вообще легкая добыча для начинающего, потому что всегда можно попробовать, прислать текст или фото редактору, сделать репортаж, инфографику, иллюстрацию… И вот — уже маленький кирпичик в небоскреб самореализации заложен.

Несмотря на все описанные выше ужасы, которые ни в коем случае не являются преувеличением, все же есть в дружественных (и не очень) редакциях люди, достойные уважения. Талантливые, ответственные, со светлыми головами и «прагныя да ведаў». У нас в редакции тоже имеется парочка таких, но нам нужно еще больше единомышленников в коллектив. И вот теперь переходим ближе к теме: в новый и крайне амбициозный проект «Реформация» мы ищем очень толкового SMM-щика, редакторов, журналистов. Если вы совпадаете с нами в понимании будущего Беларуси и хотите внести вклад в разработку интересных (и сложнейших, не будем врать) экономических и общественных тем, пишите нам на ящик rfrm@kyky.org.

В заключение хочется произнести совсем уж патетические слова: любите то, чем занимаетесь (или ищите то, что полюбите). И цените себя. Ваш кэп.

Чему стоит и не стоит учиться в редакции

Ничего не могу сказать о журфаке — не училась там. И филфак закончила уже давно. Один минус отсутствия журфаковского образования знаю — «на старте» нет знакомств в профессиональной среде. В редакцию попасть «с улицы» очень непросто.

Оксана ЯНОВСКАЯ

Без диплома журфака состоялись в профессии Константин Тарасов, Евгений Будинас, Петр Марцев, Павел Шеремет. Называть ныне здравствующих не буду, вдруг кому-то это не совсем приятно…

Моей первой редакций была «Беларуская маладзёжная» — не легендарная радиостанция, но не менее популярная газета. В ней тусовались все, кто учился на журналистов в Беларускім Калегіюме. Главред «Молодежки» Татьяна Мельничук опекала каждого из нас. И однажды я получила задание «написать в газету». Это было для меня что-то невероятное! «В газету» казалось все еще недосягаемым.

Беларускі Калегіюм учил основам профессии. А преподавали там — самые классные журналисты, щедро делившиеся с нами своим опытом. В «Беларускай маладзёжнай», мне кажется, не столько училась каким-то конкретным вещам, а чему-то, возможно, совсем неосязаемому, но очень важному — чувствовать себя

К сожалению, сегодня качество образования на журфаке не дает «путевку в профессиональную жизнь». Поэтому на нашем ТВ, как и в других медиа, больше людей без журналистского диплома. Это, конечно, неправильно. Но сильной школы для журналистов пока нет.

Денис Курьян, телеведущий (интервью ЖУРНАЛУ «PRO БЕЛАРУСБАНК»)

журналистом, не бояться стучаться в любые двери, если нужно получить информацию. Этому не учат так: «Приди, поздоровайся, сделай комплимент». Этому не учат осязаемо, этим можно «заразиться», находясь в хорошей профессиональной среде.

Теперь в это трудно поверить, но тогда, в 2000 году, не имея никакого удостоверения на руках, я умудрялась делать интервью с милиционерами, чиновниками. Как-то вот так могла повести себя, что никто и не проверял документы.

А потом главред рекомендовала меня в «Беларускі час». Главным редактором «БЧ» тогда был Александр Старикевич, собравший интересную команду журналистов, многие из которых уже со «звездными» именами: Ольга Улевич, Марина Загорская, Ольга Анципович… Колумнистом в «БЧ» был Геннадий Буравкин. Попав в такую компанию, конечно, нужно внимательно присматриваться, учиться у опытных коллег. Но не стоит копировать на 100% чужой опыт, стиль работы, потому что невозможно и не нужно «стать второй», копией мэтра. В «БЧ» не было поверхностных публикаций — все журналисты отличались эрудированностью, копали глубоко, ездили в командировки.

Редакция газеты «БДГ» — это, пожалуй, то место работы, которое белорусские журналисты пишут в резюме золотыми буквами. Сотрудничая почти два года с приложением «БДГ. Недвижимость», я так ни разу не увидела в редакционном коридоре Петра Марцева. Моим непосредственным боссом был Роман Костицын. Именно в «БДГ» как-то по-особому остро почувствовала трепетное отношение к каждому факту, именно там научилась иногда и трижды фактуру проверять и перепроверять. А еще в кого я только не перевоплощалась! То приходила в ЖЭС, мол, квартиру хочу купить на вашей территории: как бы узнать, что там за хозяева. То в агентство недвижимости приходила под видом клиента.

«Гонорары у нас не самые высокие, но работать престижно», — сказал Роман в начале знакомства. По моим меркам в то время гонорары были вполне приличные. Про престиж — чистая правда. «БДГ» после фамилии звучало очень емко, и никто ни разу не отказал в предоставлении информации.

А с Петром Марцевым все-таки довелось лично познакомиться, когда в 2013 году снова вернулась в «БДГ». Это уже была совсем другая газета, но почти все мои новые собеседники помнили «старую» «БДГ и уважали ее.

В «Нашу Свабоду» я пришла, когда редактором белорусского выпуска газеты был светлой памяти Константин Тарасов. Есть такое мнение, что в «оппозиционных» газетах у журналистов свободы меньше, чем в государственных изданиях. В «Нашей Свабоде» у журналистов была свобода: никто ничего нам не навязывал. Полагаю, очень хорошо был подобран коллектив редакции, журналисты не снимали текст с диктофона, а обладали глубокими знаниями по своей теме, имели свое мнение и не боялись его высказывать.

А от Константина Тарасова я получила очень хороший урок: «Если ты попала на “пустое” мероприятие, не мучай себя и не пиши о нем». Этим советом пользуюсь по сей день.

Кто бы что не говорил о госизданиях, но факт работы в «СБ. Беларусь сегодня» повышает рейтинг журналиста. Помню, когда в Минске пыталась открыться белорусская версия газеты-таблоида «Жизнь», то «работала в “СБ”» звучало как знак качества. В «СБ», конечно, весь профессиональный производственный процесс организован на высоком уровне. Это то, что нужно обязательно увидеть, чтобы понимать, как все должно вертеться. В редакции работали и работают талантливые журналисты, у которых есть чему поучиться. Мне нравились публикации Людмилы Кусливой, Алеся Карлюкевича, Светланы Лицкевич, Ирины Менделевой, Романа Рудя, Дмитрия Пепеляева, Людмилы Рублевской, Анны Шадриной, Адама Мальдиса.

В «СБ» подводили итоги недели — на доске объявлений сообщали о лучшей публикации. Мне кажется, это очень хорошая практика. Приятно тем, кого высоко оценили и сделали это публично, все остальные понимают, к чему нужно стремиться.

Интересная практика «разбора полетов» была в редакции газеты «Местное время». Главный редактор Анатолий Гуляев приглашал коллег

из других редакций, чтобы они прочли свежий номер и высказали свое мнение. Это был хороший мастер-класс! Особенно, когда приходит, например Александр Улитенок, лично не знакомый ни с одним из журналистов, и делится впечатлением от прочитанного, иногда хвалит, иногда советует, как можно было бы сделать лучше.

Naviny.by — самая, на мой взгляд, профессиональная интернет-газета. Не буду перечислять созвездие журналистов, дабы кого-нибудь не обидеть, забыв упомянуть. Самая цитируемая газета: «навиновскую» публикацию могут репостить 10 изданий!

В naviny.by я научилась быть смелее. Вот точно знаю, что в каких-то других изданиях никогда не полезла бы в те или иные темы. Это потому, что в naviny.by есть чувство защищенности. Помню, как однажды коллега из другой редакции сказала: «Вы там за сильным плечом БелаПАНа можете себе позволить»… А обсуждали мы с ней какую-то, по моим «навиновским» меркам, очень простую тему, и ничего там такого особенного «позволять себе» вроде и не было нужно.

Мне трудно разделять naviny.by и БелаПАН. Но если соблюсти все формальности, то в БелаПАН я получила абсолютно новые для меня практические навыки. Была (и есть) большая мечта: писать сценарии документальных фильмов. И вот этой мечтой я поделилась с Алесем Липаем. До сих пор чувствую ощущение полета после его слов: «Прапануйце тэмы». Пока у меня два фильма. Все постигалось на практике. Я очень благодарна Юрию Вельтнеру, Дмитрию Новожилову, Василию Семашко и Сергею Сацюку. Теперь из всех их подсказок у меня есть хорошая шпаргалка. А то ведь, приступая к технической части первого фильма, я не понимала, зачем заказывать оператора на два часа, если человек будет говорить 15 минут, а в фильм хорошо если 3 войдет. И только когда сама просила собеседника записать три-четыре дубля, поняла, что и двух часов может не хватить.

На мой взгляд, профессии журналиста можно научиться непосредственно в редакции, если попал в сильный коллектив. К тому же БАЖ довольно часто организует учебу журналистов по самым востребованным и актуальным дисциплинам. Другое дело, что эти знания не всегда есть возможность применить: все меньше требуются журналисты, все более востребованы рерайтеры.

Справедливости ради нужно сказать, что есть редакции, в которых не стоит перенимать опыт. Вспоминаю так и не получивший регистрации в Беларуси таблоид «Жизнь». Ну да, специфика — таблоид. Ничего не имею против «дать читателям эмоций», но меру-то знать нужно. В то время москвичи предлагали брать пример с коллеги, который сделал фото известного режиссера в больничной палате. Мол, вот профи: пронес фотоаппарат в букете. Но прежде чем идти в больницу с фотоаппаратом, стоит все-таки задуматься: а если бы меня сфоткали в палате и показали посторонним, как мне тут болезной? Любой человек имеет право на личную жизнь и «звезды» в том числе.

Возмутил «чисто технический прием» — организация сенсаций. Мол, есть пара: крепко пожилой мужчина и пожилая женщина — вроде интересно, но нет изюминки. И тогда «журналист дает старикам немного денежных знаков и просит — повенчайтесь». Долгожители идут к алтарю, журналисту «только остается сделать хорошие снимки и качественный текст». Мне такие дутые сенсации кажутся аморальными и еще не известно, какие последствия могут иметь для людей, заработавших «ни на чем».

И просто шокировали московские коллеги, когда они покровительственно делились с нами «опытом»: в Белокаменной, мол, можно дать на лапу служивому долларов 200 и организовать интервью в СИЗО. А вам слабо?

Напомню, речь о событиях и цифрах десятилетней давности. Как там у них теперь «решаются вопросы» — не знаю. В Беларуси, к счастью, такой способ получения эксклюзива исключен. И честное слово, меня это радует.

Думаю, если бы та редакция зарегистрировалась в Минске, то вряд ли наша белорусская команда там долго продержалась бы. Вспоминаю, как «обрабатывали» светлой памяти Сергея Олехновича — колись: расписался Глеб с Косенковой или нет. Сергей знал точно, он дружил с Александром Глебом. И за «эксклюзив», «сенсацию» и «гонорар» не предал дружбу — так никто не получил информации о том, что футболист до поры до времени не афишировал. Сергей Олехнович доказал, что можно быть классным журналистом, оставаясь порядочным человеком. Хотя есть мнение, что для профессионала не важно: друг, брат, сват — есть тема — и вперед. Но такой подход напоминает действия самодеятельных папарацци: они будут увлеченно снимать тонущего человека, но в службу спасения не позвонят.

И еще. Выскажу небесспорное мнение: есть темы, к которым можно подступаться не раньше, чем тебе исполнится 30–35 лет. Просто не имея жизненного опыта, не получится погрузиться в них. Можно, конечно, пройтись по верхам, тупо снять с диктофона комментарий эксперта, но такой материал никого не зацепит, разве что у читателя вызовет чувство досады. Как говорится, ИМХО.

Запраграміраванае перавучванне

Фаіна НАКАНЕЧНАЯ

Кожнаму чацвёртаму выпускніку ВНУ Беларусі наканавана стаць дармаедам

Нацыянальны статыстычны камітэт адзначае, што ў 2015–2016 гг. у 52 вышэйшыя навучальныя ўстановы па ўсёй краіне паступіла каля 330 тысяч абітурыентаў. Адзін з лідэраў прыёму — Беларускі дзяржаўны універсітэт.

Прэс-служба БДУ паведаміла, што сёлета залічана больш за 5,5 тысячы чалавек. У мінулыя 2014–2015 гг. гатовых атрымаць вышэйшую адукацыю ў БДУ было каля 5 тысяч.

Павялічыўся ў краіне і паказчык беспрацоўя. Афіцыйна больш за 43 тысячы чалавек зарэгістравана ў органах па працы, занятасці і сацыяльнай абароне па ўсёй Беларусі. Узровень схаванага беспрацоўя, па сцверджанні экспертаў, вышэй як мінімум у 2–3 разы. А гэта значыць, што кожны чацвёрты выпускнік ВНУ Беларусі можа ўжо цяпер лічыць сябе дармаедам.

На кожную вакансію ў сярэднім прэтэндуе 11 чалавек

Сярод прафесій з высокімі прахаднымі баламі — эканамісты, юрысты, журналісты, перакладчыкі. Яны ж і самыя незапатрабаваныя на рынку працы. Напрыклад, свабодныя дыпломы ў журналісцкай сферы у параўнанні з 2013–2014 гг. атрымалі ў два разы больш выпускнікоў. А значыць, нават афіцыйнае размеркаванне не ўратуе тых, хто не знайшоў працу па спецыяльнасці ў час вучобы.

Дзе ж шукаюць працу выпускнікі? Больш за палову — на сайтах з прапанаванымі вакансіямі і магчымасцю размяшчэння рэзюмэ.

Напрыклад, па дадзеных даследчага цэнтра РАБОТА.TUT.BY, колькасць тых, хто шукаў працу на сайце, у II квартале 2016 г. вырасла на 37,3% у параўнанні з 2015-м.

Але… «Суіскальнікі вакансій сталі менш актыўнымі. Калі параўноўваць з I кварталам,

у II квартале колькасць размешчаных рэзюмэ на сайце зменшылася на 6,2%», — адзначае Святлана Шапарава, дырэктар РАБОТА.TUT.BY.

На кожную вакансію па спецыяльнасцях, папулярных у студэнтаў, ў сярэднім прэтэндуе 11 чалавек.

Чаму ж студэнты паступаюць на загадзя непатрэбныя прафесіі?

Больш за палову апытаных праз сацыяльныя сеткі студэнтаў сцвярджаюць, што хацелі вучыцца менавіта ў сваёй ВНУ. Але пасля праведзенага на лекцыях і семінарах часу знаходзяць шмат неадпаведнасцяў паміж уяўленнем аб абранай прафесіі і вучэбнай праграмай.

«Я абраў сваю спецыяльнасць таму, што заўсёды, колькі сябе памятаю, любіў чытаць. Паколькі літаратурнага інстытута ў Мінску няма, выбраў журфак БДУ. Але калі ва ўніверсітэцкім падручніку знаходзіш раздзел "У. І. Ленін як рэдактар", міжволі разумееш, што такое навучанне састарэла незваротна і безнадзейна», — прызнаецца студэнт Інстытута журналістыкі БДУ Аляксандр.

Выйсце ёсць: практыка і самаадукацыя

«Пачынаць працаваць па спецыяльнасці цалкам нармальна ўжо з трэцяга курса, калі не раней. Гэта распаўсюджаная практыка ва ўсім свеце, каб да выпуску атрымаць не толькі тэарэтычную базу, але і практычныя навыкі, — распавядае галоўны рэдактар SocNews.by, выкладчык БДУ і Санкт-Пецярбургскай школы тэлебачання Васіль Ядчанка. — Мой практычны вопыт пачаўся ў 17 гадоў з працы ў прамым эфіры на радыё, парадкаванні паласы ў газеце і "дедоморозничества" ў ДК. Калі вы вучыцеся на той спецыяльнасці, якая цікавая, то цалкам слушна не абмяжоўвацца універсітэцкай праграмай і практыкай раз у год».

Але, як заўважаюць эксперты, беларуская сістэма адукацыі з-за сваёй цэнтралізаванасці не дазваляе студэнтам разлічваць на свабоду выбару форм адукацыі.

«Рашэнні прымаюцца ў профільным міністэрстве. Універсітэты, роўна як і ўстановы прафесійнай адукацыі, існуюць у рамках спушчаных зверху планаў і часцяком ніяк не могуць паўплываць ні на колькасць набору абітурыентаў, ні на змест і актуальнасць навучальных праграм, — адзначае эксперт "Ліберальнага клуба" Вадзім Мажэйка. — Парушаная сувязь паміж сістэмай адукацыі і рынкам працы: няма сістэмнай камунікацыі паміж установамі адукацыі і бізнэсам, патрэбнасці эканомікі выкладчыкам часцяком няясныя. У тым ліку таму, што многія з іх дзесяцігоддзямі не выходзілі з-за кафедры ў рэальны свет попыту і прапановы».

«Толькі практык можа аператыўна рэагаваць на змены тэндэнцый у сваёй сферы, упэўнены Васіль Ядчанка. — Калі спецыяліст знаходзіць час для выкладання — гэта выдатна і для яго, і для студэнтаў. І дадатковая аплата тут далёка не на першым месцы. Выкладчыкі-пагадзіннікі атрымліваюць зусім смешную аплату. Спецыяліст, які згаджаецца на выкладанне, сам сабе можа вырасціць будучых супрацоўнікаў».

Дзяржава стымулюе штучны масавы попыт на вышэйшую адукацыю, зазначаюць эксперты. Тут і фактар адтэрміноўкі ад прызыву, магчымасць атрымання стыпендыі, адсутнасць вострай неабходнасці самастойнага пошуку працы, калі чалавек вучыцца на бюджэце і яму гарантавана першае месца працы.

У грамадстве гіпербалізаванае значэнне дыплома аб вышэйшай адукацыі: дагэтуль лічыцца, што «корачкі» даюць абавязковую перавагу на рынку працы ды ўвогуле робяць чалавека прыстойным. Канкурэнцыя за элітныя ва ўяўленні грамады прафесіі ўжо цяпер стварае непапулярныя ці непрэстыжныя спецыяльнасці. Сярод непапулярных, па статыстыцы Белстата, настаўнікі дашкольных установаў і школ, медыцынскія работнікі…

Але ці ж абыйдзецца «элітны» па дыплому грамадзянін без доктара ці настаўніка?

Тым больш калі волею няўмольнага выпадку апынецца тым самым кожным чацвёртым, адрынутым ў беспрацоўныя ды на перавучванне.

Образование в Беларуси — недофинансирование и уклонение от реформ

Комментируя итоги вступительной кампании в высшие учебные заведения, независимые эксперты в течение последних лет обращают внимание на две тревожные тенденции — недофинансирование системы высшего образования и низкий уровень подготовки абитуриентов.

Елена СПАСЮК

Государство результатами вступительной кампании довольно

Официальная оценка результатов вступительной кампании была дана первым заместителем министра образования **Вадимом Богушем** еще в августе. Он, в частности, отметил, что высшую оценку — 100 баллов — по итогам централизованного тестирования (ЦТ) получили 276 абитуриентов. 15 человек из более чем 98 тысяч прошедших ЦТ получили 100 баллов по двум предметам, три — по трем.

«Результаты ЦТ показывают, что уровень подготовленности выпускников неплохой, очень многие имели возможность реализовать те желания по учебе, которые у них есть», — считает Богуш.

Однако лучшие результаты не отражают общий уровень абитуриентов. О нем скорее можно говорить на основании уровня баллов, определенных в качестве положительных (дающих право на поступление в вузы). Для поступления в высшие учебные заведения в этом году достаточно было получить: по государственным языкам — 10 баллов, по естественнонаучным дисциплинам — от 10 до 15, по гуманитарным — от 15 до 20 (в зависимости от очередности профильного предмета).

Такие низкие минимальные баллы дали возможность стать студентами бюджетных отделений вузов даже тем абитуриентам, которые показали крайне низкий уровень знаний.

Например, чтобы стать студентом Белорусского национального технического университета (военно-технический факультет, специальность «Подъемно-транспортные, строительные, дорожные машины и оборудование»), достаточно было набрать 105 баллов при максимальном количестве 400.

Абитуриентам Военной академии для поступления на специальность «Управление танковыми подразделениями» общевойскового факультета хватило 108 баллов, а проходной балл на специальность «Управление мотострелковыми подразделениями» составил 118.

Очень низкий проходной балл был также отмечен при поступлении на некоторые специальности Белорусского государственного педагогического университета.

Комментируя ситуацию, репетитор по физике и математике **Евгений Ливянт** отметил: абитуриенты, которые сдают ЦТ на 30 баллов и ниже, из-за низкого уровня подготовки просто

не смогут нормально учиться в высшем учебном заведении.

В то же время, считает он, это не означает, что у таких молодых людей не должно быть шанса на получение высшего образования.

«Я считаю, что государство должно создавать максимум возможностей для получения образования. Это выгодно по всем параметрам — общеизвестно, что люди живут лучше там, где есть возможность получить хорошее образование», — сказал Ливянт.

По его мнению, следует создать качественную систему подготовительных отделений для поступления в вузы. «Оплата за обучение там должна быть дифференцированной: кто-то может учиться платно, а кого-то может поддержать государство», — считает педагог.

Конечно, вузы не заинтересованы в том, чтобы к ним поступали слабые абитуриенты. Но в то же время им необходимо заполнить студенческие скамьи, иначе начнутся проблемы с финансированием. Пока же слабые абитуриенты, попадая в вузы, с трудом справляются с программой высшей школы и становятся проблемой для работодателя.

Образование в условиях хронического недофинансирования

Тем временем государство сворачивает поддержку в области образования. На фоне роста числа выпускников школ (а именно они составляют большинство абитуриентов) количество бюджетных мест в высших учебных заведениях сокращается, отмечает эксперт Общественного Болонского комитета, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург) **Андрей Лаврухин**.

По данным Министерства образования, 11 классов в этом году окончили более 57 тысяч выпускников против 56,6 годом ранее. На бюджет поступили 27,1 тысячи человек (цифра не учитывает заочников сельскохозяйственного профиля, которые будут поступать с **15 ноября по 5 декабря**) против 27,76 — в прошлом году.

Вместе с тем член Общественного Болонского комитета профессор **Владимир Дунаев** обращает внимание на то, что в Беларуси уменьшается количество студентов, в том числе обучающихся платно: «Соответственно попытка поправить дело за счет платы за обучение становится все более призрачной. Бизнес в Беларуси не готов финансировать университеты. Надо признать, что ситуация с финансированием образования является критичной».

Тем не менее в 2017 году планируется увеличить расходы бюджета на финансирование системы образования на 12,1%. Может ли это положительно сказаться на белорусском образовании? Владимир Дунаев считает, что затраты на образование хотя бы не будут уменьшаться, то есть с учетом инфляции мы будем наблюдать сохранение финансирования на существующем уровне и это благо. Однако надо иметь в виду, что существует международная оптимальная норма финансирования образования в виде определенного процента от ВВП: 10% на образование в целом и 2% на высшее образование. Мало где, впрочем, удается выполнять норму в полной мере. В свое время Беларусь приняла эту норму законодательно, включив ее в Закон «Об образовании».

Однако норма не стала нормой. «Никогда размер финансирования образования не достигал 10% от ВВП, а оставался в лучшие времена, то есть в начале 2000-х, на уровне 6–6,5%. При этом Александр Лукашенко в марте 2006 года на третьем Всебелорусском народном собрании обещал, что к 2010 году расходы на образование будут существенно увеличены и достигнут 10% ВВП. Этого не случилось. И все последующие годы речь идет о том, что хорошо бы достичь уровня 5,5%, чего не происходит», — поясняет Владимир Дунаев.

В Кодексе об образовании уже вообще нет нормы по финансированию образования в размере 10% от ВВП, нет никаких ориентирующих цифр по затратам на образование. Таким образом, в Беларуси происходит хроническое недофинансирование системы образования, заявляет Дунаев.

Когда случатся реформы?

Улучшения могут произойти через модернизацию, которую эксперты связывают со вступлением Беларуси в Болонский процесс. По сути, реформы прописаны в дорожной карте, предложенной Беларуси как условие приема в Болонский процесс.

Однако согласно исследованию Общественного Болонского комитета, положения дорожной карты для Беларуси реализованы только на 8,7%.

Как отметила член Общественного Болонского комитета **Татьяна Кузина**, «домашнее задание» для Беларуси предусматривает создание независимого агентства по контролю качества образования, инструментом прозрачности должно стать внедрение европейской системы кредитов обучения.

В Беларуси работает Департамент контроля качества образования, однако он является зависимым институтом, заявляют эксперты. Департамент контроля у нас находится в системе Минобразования.

В некоторых вузах нагрузка студентов уже исчисляется в кредитах, но нагрузка преподавателей

считается по старинке — в часах. Сроки обучения по-прежнему зафиксированы в годах.

Белорусскими властями также должно быть разработано приложение к дипломам европейского образца. К концу 2017 года власти обязались предоставить план обеспечения автоматической бесплатной выдачи приложения к диплому (Diploma Supplemen) в формате, разработанном Советом Европы, Европейской комиссией и ЮНЕСКО, на распространенном языке помимо русского.

В плане мобильности студентов дорожная карта предусматривает отмену согласования с Министерством образования зарубежных поездок студентов сроком более шести месяцев. Кроме того, рекомендуется не распределять в обязательном порядке студентов-бюджетников.

Дорожная карта предполагает большое количество аналитической экспертной работы, а также законодательные изменения.

«Очень важно, и это прописано в дорожной карте, чтобы информация об имплементации дорожной карты, о проведенных исследованиях, о разрабатываемых законопроектах была доступна для всех стейкхолдеров и представителей гражданского общества, — отмечает Татьяна Кузина. — Общественный Болонский комитет видит отсутствие публичности процесса, отсутствие возможностей стейкхолдеров вовлекаться в него с полной информированностью. Мы хотим призвать государство к сотрудничеству с гражданским обществом, потому что его экспертный потенциал значителен».

Введение системы квалификаций — самое слабое звено

Серьезной проблемой белорусского образования является отсутствие национальной рамки квалификаций, подчеркнула член Общественного Болонского комитета **Ольга Крыжановская**. Среди прочего это является причиной того, что система подготовки кадров не удовлетворяет потребностей рынка труда.

Решение о разработке национальной рамки квалификаций принято Советом Министров, однако дальше пилотного проекта дело не пошло. В результате в Беларуси есть только четыре пилотных профессиональных стандарта. Для сравнения: в России их разработано уже более шестисот.

Гармонизация рынка труда и образования приведет к тому, что «учреждения образования будут готовить тех специалистов, которые востребованы на рынке труда», отметила директор образовательного и кадрового центра «Новое завтра» **Ольга Рудь**. В том числе в случае появления национальной рамки квалификаций в стране будут признаваться результаты неформального обучения.

В настоящее время многие работодатели недовольны уровнем подготовки выпускников как высших, так и средних специальных учреждений образования. Работодатель вкладывает много средств в переобучение персонала, обратила внимание специалист.

«Высшее образование не гарантирует ни высокого уровня доходов, ни успешности. Как работодатель я могу сказать, что диплом не оценивается как достижение работника. Нужно обращать внимание на компетенции, умения, а не на диплом», — считает Ольга Рудь.

Именно отсутствие стратегии в части набора в вузы, а также сформулированного запроса со стороны работодателя создает ситуацию отсутствия логики в наборе в вузы, сказал Андрей Лаврухин. Например, по специальностям профиля «Коммуникации. Право. Экономика. Управление. Экономика и организация производства» во всех вузах прием в этом году сокращен на 111 мест. Выпускники именно этого профиля в прошлом году, по данным Белстата, составили 42% от общей численности окончивших вузы.

Единственная специальность, которую можно рассматривать как инновационную, введена в Белорусском технологическом университете — «Производство изделий на основе трехмерных технологий», отмечает Лаврухин.

В мае этого года, делясь своими планами на вступительную кампанию, Министерство образования анонсировало сокращение количества бюджетных мест на строительные специальности. Но в результате был сокращен прием совсем на другие специальности. Почему произошло сокращение одних специальностей и увеличение квот на другие, ни абитуриентам, ни специалистам не понятно. Анализ рынка труда и образования закрыт для общественности. По сути, люди не знают, за что платят, когда отправляют детей учиться на те или иные специальности.

В качестве альтернативного примера Андрей Лаврухин привел Россию, где с 2015 года работает портал мониторинга трудоустройства выпускников вузов. Все желающие могут получить информацию о том, сколько выпускников предыдущих лет смогли найти работу в течение года, в каких регионах они трудоустроены, а также узнать средний размер их заработной платы.

Лаврухин подчеркнул, что пока у потребителей высшего образования не появится спрос на компетенции, востребованные на рынке труда, «цирк с показушными вступительными кампаниями и мифами о "нашем образовании, самом лучшем образовании в мире" будет продолжаться».

Шырокае поле —

Адметнасьць
яснага розуму ў тым,
што яму хапае дарэшты
мала пачуць і ўбачыць,
каб затым разважыць
і зразумець.

Дж. Бруно

Антаніна ХАТЭНКА

Збіралася, ведаеце, паразважаць троху, з асабіста займетага досведу, пра магчымасці навучання журналістыцы. Ці мае шанец таленавіты журналіст перадаць некаму іншаму, не падрасламу яшчэ ў сваёй галіне, інструмент стварэння добрага, вартаснага матэрыялу (прадукту, як акрэслілі б цяпер, на рынку збыту, што ахапіў спакваля ўсю Беларусь)? Аднак навучанне асобнаму рамяству не далося мне ў рукі дзеля раскладання на першаэлемэнты. І выйшла спрэчка з самою сабой наконт таго, ці верагодна, хоць на нейкі мізэр, у справе навучання — чаму б там ні было! — абысці ўклад жыцця грамадства, ці не ёсць усялякае навучанне прадуктам (зноў — бачыце — выскоквае знекуль гэтае занадта папулярнае ў наш час слова), спароджаным пэўнай групоўкай ці пэўнай супольнасцю людзей.

ідзі, куды воля

А тады ж вынік: выходзіць — далёка не акумулюе інтарэсы ці запатрабаванні ўсяго грамадства, але адбівае, хутчэй, памкненні рознаскіраваных груповак і супольнасцяў.

Нічога новага, здаецца… Падумаць жа ў той бок зусім, па-моему, не зашкодзіць.

Век векаваць — усяго спазнаць

Як мяркуеце, спадарове, чаму ў народзе пабытуе здаўна гэткая ледзь не кплівая прымаўка-прысуда: «Будзем вучыцца, пакуль смерць налучыцца»? Няўжо і насамрэч навучанне анічога не варта ў зменлівым нашым свеце і толькі перад абліччам смерці аказваецца ці то нажыткам, ці абаронай? І дзеля чаго наогул усе намагаюцца навучаць альбо навучацца? Дзеля якой гэткай асаблівай асалоды — славы, узнагарод, самасцвярджэння — праз усю гісторыю чалавецтва навучанне ўсё лезе і лезе ў людскія жыцці, праз усе дзіры і шчыліны, парушаючы лад і склад, адмяняючы звыклыя ўстоі і зручны парадак рэчаў? І што яно здатнае, папраўдзе, выправіць, накіраваць ці рэальна здзейсніць у няспыннай хадзе Быцця, тое неадпрэчнае, нібыта, навучаньне?

На што абапіраецца і за што бярэ адказнасць той, хто рызыкуе навучаць? І што адбываецца ўрэшце рэшт з навучэнцам у выніку ўздзеяння на яго чужога светаадчування і мыслення? У выніку перайначання першапачатку, прыроднай дадзенасці, у выніку напранання на ягоную сутнасць нейкай іншай, інакшай абалонкі-схованкі. Альбо, мабыць, як вецер яно, усялякае навучанне: ускаламучвае паверхню падзей і з'яў, узбунтоўвае ціхамірную суладнасць і… знікае бясследна, нібы і не было зусім?! А нам падаецца толькі, што нечаму навучаемся, нешта пераніцоўваем — у сабе і ў навакольнай жытцы, нешта спазнаем, каб умудрэць ды ўчыніць справу, якая паслугаваць мае і надалей развітку і навучанню наступнікаў?

Смяхотна, аднак, выглядае, відаць, чалавек, якога наведвае раптам крамольны сумнеў у сэнсе і карысці НАВУЧАННЯ. Бо што-што, а перадаванне набытага некім досведу, выхапленай некім з тканкі бытнасьці ніты-одумы выдавалася заўжды ў цывілізацыйнай мітуснечы за дзею нерушна сакральную, запаветную, зацята ратаваную ўсімі законамі, забаронамі і папярэджаннямі: «Святынь рукамі не кратаць! Ахоўваецца…»

Вось на гэтых двух камянях велізарнае збудовы навучання і прысядзем, ледзь не ўкленчыўшы, перавядзём дых у доўгай дарозе пазнання — на падмурку цывілізацыйнасці і шчыльнай, аж да сляпізны ў вачах, яе аховы.

Ці мяне ліпкі морак з тропу збіў, ці саснілася нешта няўцямнае, ці наогул у цемрадзь неведзі знянацку абрынулася, але і цывілізацыя наша ўхвальна-ўздыманая, і гэтае, даруйце ўжо, надта падманнае ў руінна-ўзбуранай прасторы «ахоўваецца» неяк сашчапіліся ў свядомасці маёй і ўзраслі балючым горбам на плячах. Бо не ўсцягнуць даўнютка ўжо на гару сягненняў і адкрыццяў чалавечых цяжэзных мяхоў тых набыткаў і назапашанняў — пладоў з дрэва навучання, якія неадменна і недасыпна трэба ахоўваць, зберагаць і перадаваць як неацэнны скарб і святарны сымбаль паслядоўнікам.

Яно, здавалася б, і добра якраз — трымаць у абярозе тое, што дасталося з праміналасці, калі б… Калі б веды ўсе, што

пасеялі і сабралі папярэднікі, змаглі-такі звяршыць магічны круг здзяйснёнасці ды ўзраслі сабе шыкоўна нам на радасць, паразумненне, пабагачэнне, парасткамі жыцця вольнага, шчаслівага. Жыцця натхняльнага, памкнёнага, цымбалёва-стройнага, калі хочаце.

А то ж не. Валэндаемся ў гушчарах непаразумення ўласнага — ці ёсць мы тут пад нейкім назвіскам спрадвечным, а ці нас няма на бальшаку цывілізацыі, ці ўсцешаны доляй сваёй спадчыннай, а ці стогнам нязбыўным працінаем правечнасць «ня быць скотам — «людзьмі звацца!» — ды пыху напагатоў выстаўляем: з Вялікага княства выйшлі, маўляў, — рукамі не кратаць, подыхам не апагініць. І дзе тое наўчаннё, як шуткавала мая бабуля? Бокам вылезла. На дабро ці на ліха? Нікому няведама…

Адно шыльдачкі паўсюль засцерагальныя крэчма крычаць: «Ахоўваецца дзяржавай». Што, выбачце мне, някемнай, ахоўваецца? І якой такой дзяржавай? Ахоўваецца няспынны акт разбурэньня? І калі дзяржава прылюдна сведчыць пра адмысловае ахаванне забыцця і вынішчэння, то хто ж яна такая, гэтая невідзёна-дзяржава, і нашто яна ўвогуле каму патрэбна, у гэткім бядотным разе? Хіба на тое, каб атрымаць-такі аднойчы розгамі па чынавенскіх азадках за ўсё агідна ўчыненае і дарэшты нячыненае? Але ж… Калі тое станецца? І ці станецца хоць — адплатай за прыніжэнне і прысвойванне ролі, да якой не датупалі дзяржаўнікі і на мірг веек?

> **_У нас жа не створаныя дагэтуль ані школа журналістыкі, ані папросту школа, якая ахоплівала б, абдымала б усіх у яе патрапілых духам стваральнасці._**

Дык і што ж гэта выходзіць, спадарове?.. Навучанне, векавое, упартае, аброслае мітамі і легендамі, асвечанае крывёй навукоўцаў, недагодлівых-панішчаных у імя святое Пані навукі, узнятае на штандар самай паважнай і такой праpослай, аж да касцей, усярэдзіну кожнага з нас цывілізацыі, нічагуткі, як узважыць і паэпохава адсачыць, не значыць? Бо інакш жа не выпала б на долю біцца сутаргава цяпер у супраціве нахабнаму ворагу на Блізкім Усходзе альбо ў бліжняй Украіне людзям, атрымалым у пасаг найлепшы са здабыткаў гісторыі — навучанне. Ці вы ў тую старану, дзе дурны і люты стоптвае ў нішто быццам бы субрата, пазіраць не надта ахвочыя?! А між тым павучальная вельмі разгортваецца трагедыя на тле няўтомнай цывілізацыйнай асвечанасці.

Трагедыя ж гэта — прыкмецце! — разгортваецца тым часам і нават у тых мясцінах, дзе спяць сабе паўзабыта вялікія і багатыя веды ў таемных чэравах пірамід, у фаліянтавых выданнях старажытнасцяў. Гэтак мовіць, уведанае і паскладанае ў куфры, сейфы, сховішчы ды ў галовы аніяк не выяўляе сваёй магуты, не працуе ў жывой рухомай рэчаіснасці. Навучанне існуе недзе аўтаномна, само па сабе, а людства, навучанае праз вякі Дабра-Міра-Асветачыннасці, з боку прыпёку ад цывілізацыі, само па сабе. І ніякай кладачкі між імі не пралегла, ніякай сцяжынкі не пратаптана. Таму што у выпадку засваення і культывавання ўсяго, што вынайшаў у нетрах планетарнай памяці ды ў сусветных «фондах» homo sapiens, даўно ператворана была б сплаканая і скрываўленая Зямля наша ў квітнелы нязменна рай.

Быў бы араты — будзе й прыганяты

Аднак навучаемся мы, навучаемся — усе разам і зусім індывідуальна — спасцігаем, здаецца, ісціны, з плашчыні якіх вось-вось мае ўзвінуцца шлях да шчасця-раю, а спатыкаемся ўсё на тыя самыя надакучныя граблі: тэхнакратычная рэвалюцыя, як і рэвалюцыя ўсялякая іншая, дашчэнту выкарчоўвае Прыроднасць, Натуральнасць, Гарманічнасць усяе Існасці расхрыстанага ТУТ ва ўсе бакі, да ўсіх стыхій Быцця. А навучанне сцішылася пудліва ў закутку ды нос баіцца высунуць: каб не пранялі яго, далікатнае, раптам непагодныя скразнякі новай, такой супярэчнай, зблытанай, непрадказальнай эры. Той рыхтык эры, якая абяцалася з усіх прагнозаў і прароцтваў паўстаць паваротkай ад культу спажывання-вынішчэння да культуры ўзрошчвання і дагляду, да культуры ўзаемапавагі і ўзаемападмогі адна адной ды ўсяму жыццю, ва ўсіх яго праявах і формах, усіх клетак і кветак не згінулага яшчэ

ў несупыннай барацьбе за выжыванне зямнога арганізму.

Але… Набірае шпаркасць трэцяе тысячагоддзе, спраўна склікаюцца сімпозіумы, форумы, канферэнцыі, семінары і пратэстовыя акцыі, складаюцца пратаколы і абвяшчаюцца мемарандумы, а прагавітае спажывецтва ўпэўнена і неадступна цягне ўсю памянёную навучаную публіку разам з усім мала абазнаным светам у прорву самазагубы.

І навучанне спрытненька сабе прыладоўваецца да зменлівых умоў ды аддана паслугуе абмежаванай бязмежнасці ўсялякага новага ўладатрымцы. Гляньма ўважлівей: дзеці нашы ўведваюць у школках ды ўніверсытэтах «абноўленую», усечаную аж да непазнавальнасці гісторыю, літаратуру і асноўныя прынцыпы ўтрымання — не развіцця! — грамадства. Паўстала новая, нікім дагэтуль не прадугледжаная і, вядома ж, не даследаваная фармацыя — рэгуляваны капіталізм. Гэткае сабе фараонскае ўладаванне на адной асобна ўзятай, закінутай дзялцы такой вучанай-перавучанай, здавалася б, Еўропы.

Вось вам і разгорнутае інфармацыйнае поле ўнікальнага для цывілізацыі з'явішча, узніклага, папраўдзе, усяго толькі з прагавіта-сквапнага жадання адной мэтанакіраванай асобы, не абцяжаранай сумленнем, каб напоўніцу карыстаць патэнцыял цэлай краіны і выверана пазбаўляцца нават і подыху іншадумства. А дзе журналістыка, навучаная ў акадэміях кіравання, на журфаках і студыях адлюстроўваць працэсы, якія адбываюцца штодня і ў плыні глабальнай палітыкі планеты? Дзе журналістыка, узгадаваная на тле альтэрнатыўных падыходаў і ацэнак?.. Уладарыць адна суцэльная інэрцыя: адны, вылузваючыся са скуры, паўсядзённа ўхваляюць, іншыя ж, ледзь не разгублена, у пеклавым катле нахабства, агрызаюцца. Нібыта даюць водпаведзь — гаспадару, адзінаму і звышсправядліваму, ды купцы ягоных памагатых (якая шырэе і мацнее, трэба ўлічваць, беспрапарцыйна — аж да памераў адмыслова нацкаванага, гатовага ў атаку войска).

Тут навучанню ніякаму, акрамя прафэсійнай цкоўлі, і месцейка нідзе не застаецца (як поле бою агледзець…). І нашто яно, зрэшты, патрэбна, тое даведзенае да абсурду навучанне? Усе ж пазнакі на цяжкай дарозе ў абноўленую светлую будучыню трывала і назаўжды парасстаўляныя: інструктаж, куды каму ісці і што гаварыць-пісаць, своечасова праведзены з кожнага боку яшчэ ў бунтоўных 90-х. І спрацоўвае, як ні дзіўна, дакладна і дагэтуль. Схема ўсім і кожнаму таксама знаёмая: адзін выстаўляе аргументы, іншы — контраргументы. Не, бываюць і спробы аналітыкі, без сумневу. Але ж яны і на кроплю не выдаюць на плады навучання: гэта — самасейкі, выпадковая расада ў гадавальніку зручных і падатлівых журналістаў — асвятляльнікаў на шляху перамог і будоўляў. І заззвычай гэтыя самасейкі надта ж няўгодныя-недагодныя генеральнаму распарадніку на шоу створанай, аж да ўквітнення ў вяках, незвычайна-чароўнай фармацыі.

Уладарыць адна суцэльная інерцыя: адны, вылузваючыся са скуры, паўсядзённа ўхваляюць, іншыя ж, ледзь не разгублена, у пеклавым катле нахабства, агрызаюцца.

Суіцыдальная, як на маё адчуванне, сітуацыя. Непазбежна суіцыдальная для ўсяго фараонскага гістарычнага экіпажу.

Золата і ў попеле відаць

Затое ж толькі перад пагрозай самазагубы сталі прабівацца нарэшце (ці не з-пад самае кары зямлі) ледзь чутныя, ледзь улоўныя токі Сапраўднасці. Тае сапраўднасці, якую чалавек старадаўні, здзекліва ахрышчаны намі дзікуном, назваў бы Любоўю. Ратавальнай Сілай Любові.

Каб выйсці з безнадзейнасці да спадзевы, давядзецца слухаць яе, Сілу. І не атаясаміць (барані Божа!) з агрэсіяй і нападам. Настае час адрознення навучальніцтва і настаўніцтва, адасаблення адкрыццяў ад стэрэатыпаў. Бо навучыцца не азначае зусім, да жалю, адкрыць дарогу; пераняць выканальніцкія правілы і каноны — не значыць расхінуць межы агульнапрынятага і агульнапрызнанага ды зазірнуць за небасхіл, скуль праменіцца, бывае, нябачанае, несустраканае дагэтуль

святло, прасяваючы да нас, часовых, з пракавету неўміручасць.

Ды пра што гэта я насамрэч? Прычым наша звыкла структураванае навучанне да касмічных рухаў? Як стасуюцца міжсобку турботная будзённасць і неаглядная, ні зрокам, ні згадкай, бясконцасць? І ці хоць як няўклюдна-няўлюдна павернута да тае неасяжнае вышыні-далечыні журналістыка, якой вось у гэты момант я наўпрост і займаюся і пра якую у кантэксце навучальнасці, па шчырасці, наважылася была ўслых падумаць?

> **_Шкада, што навучанне збудавана ў нашай краіне паўсюль у разыходзе з творчасцю._**

Дзіва дзіўнае, але журналістыка, як, зрэшты, і навука, занадта блізенька стаіць (ці, праўдзівей, заняла пазыцыі) да злучнасці чалавецтва з тою Сілаю, без якой, адцураўшыся, мы і апынуліся бездапаможнымі, нягеглымі перад наступам навучальніцтва заместа настаўніцтва, каб адкаснуцца цяпер і не зважыць на гэтую лёсавую бліжыню. Не, я нічога не маю супраць навучання — азнаямлення суб'екта з нейкім наборам патрэбных мэханізмаў дзеля дзейнасці яго ў пэўных акалічнасцях ці ў пэўнай прафэсійнай сферы. Але ці дамо хто змогі навучыць некага (нават сваё падатлівае да трансфармацый дзіцятка) дыхаць? А мысліць?.. Скажаце: гэтыя працэсы адбываюцца на узроўні рэфлектыўным, узроўні «праграмнага забеспячэння».

Дык і я ж пра тое. «Праграмнае забеспячэнне» дзее роўненька праз тую самую Сілу, Сапраўднасць, якая цыркулюе з не парушаных пакуль дарэшты прыродных прынцыпаў зладжанасці ўсяго з усім і з кожнай часцінкай — як у агромністым свеце, гэтак і ў чалавеку ці ва ўсялякай жывой з'яве. І калі навуковец альбо журналіст аказаліся не прымкнёнымі да Сілы — да здольнасці ўчуць і трансляваць падзеі ў грамадства з таго прадоння, дзе ўсё адпачатна зараджаецца, калі яны выяўляюцца блізарукімі, здатнымі ўгледзець не далей за сёння, — падступае тады спакваля высыханне каранёў, якія жывяць-сілкуюць усю мудрагелістую сыстэму ўзаемасувязяў і ўзаемапранікнёнасці ў свеце.

І навучыць вось гэтаму ўмельству прымыкання да Сілы быцця, як на мой погляд, аніяк і анікога немагчыма. Бо дар Суперажывальнасці і СУПЕРажывальнасці — надзвычай рэдкі: ніспасылаецца час ад часу абраннікам богавым. Як Такому навучыш?..

Прытым цэлыя дружыны адмыслоўцаў — у розных навуках і галінах вынаходніцтва, вытворчасці ды інфармавання — паслядоўна нешта робяць і нешта выпрабоўваюць, да нечага прыходзяць і нешта аспрэчваюць. Жыццё не замыкаецца, як прырода на зіму, — яно няўтомна і заўзята набывае новыя фарбы, скідаючы састарэлае апярэнне. І для гэтай рухлівасці яму, жыццю, зусім не патрэбна і кроплі навучання. Навучацца нечаму немінуча даводзіцца толькі людзям.

Вучыся, нябожа: вучэнне паможа

Шкада, што навучанне збудавана ў нашай краіне паўсюль у разыходзе з творчасцю. Бо ў спалучнасці з творчасцю яно і адолела б тую магічную прыступку да наСТАўніцтва, з якой ўжо адкрываюцца далягляды нашмат інакшыя, чым у паўсядзённым навучанні. З тае толькі прычыны, што наСТАўніцтва зыначвае СТАН — глыбізна-ўнутраны і шырокаразгорнуты. Памятаеце, за часамі незваротнымі каля майстра (маэстра) ці не абавязкова нейкім шчаслівым чынам аказваўся майстарок — той, хто шукаў СТАНішча, дзе пачуваўся б інструментам, які выгладжваюць і настройваюць на будучыню. І паступова ён, майстарок, знаходзіў-такі ключ да ўваходжання ў незвычайны СТАН, калі інструмент — уся ягоная натура — граў СВАЮ, непаўторную, мелодыю, вёў СВАЮ, адметную, рысу на палатне дзён (а здаралася ж, і вякоў, вечнасці).

Дык у нас жа не створаныя дагэтуль ані школа журналістыкі, ані папросту школа, якая ахоплівала б, абдымала б усіх у яе патрапілых духам стваральнасці. Дзеці нашы хоць і сутыкаюцца штодня з настаўнікам, але ён, папраўдзе, навучацель (так і завецца, дарэчы, паводле паноўнай у краіне рускай мовы), бо не выводзіць да зыначанага СТАНу, а ўсяго

толькі перакочвае вал інфармацыі з аднаго месца на другое.

І так функцыянуе ўся беларуская адукацыя. Адкуль тады возьмуцца журналіст, гісторык альбо мастак з прызначэннем Апавесціць свету нешта, адно ім адкрытае і адно імі пачутае ў прасторы і часе?!

А ўзяцца яны могуць ад Сілы, якая прабягае няўзнак праз цела і розум, апякае маланкай і… дае непараўнальную ні з чым магчымасць дакрануцца да Праўды (як бы той праўдзе ні скручвалі рук і ні засцілі вачэй!). Каб жа такія здарэнні адбываліся, і навучанне, ШТО рабіць (у школе, ВНУ ці ўжо ў здабытай прафэсіі), ператварылася ў СТАНаўленне асобы, у сведамленне, ЯК рабіць (пісаць карціны, музыку, навуковы трактат, журналісцкае даследаванне ці папросту з дня ў дзень радавацца сваёй справе, праз якую ты звязаны з нязмоўклай Сілай і ўсімі далучанымі да яе), наспявае патрэба ПЕРАМЯНЕННЯ — усяе асветы, ад пят да макавінкі.

Бо пакуль высноўваецца з усіх назіранняў і практыкаванняў парадаксальная рэч: без навучання якому б то ні было майстэрству адмысловец апынаецца наўпрост у дачыненнях са Свабодай, а навучанне, ці не з першага дотыку, вымагае падладавання пад выпрацаваныя ўжо стандарты мыслення і мадэлі паводзін. Прынамсі, так выкладаецца насёння мой роздум, выснаваны, зразумела, з тых акалічнасцяў нашага супольнага жыцця, якія няўтрымна ўплываюць і на стваральніка, і на спажыўца тае, так бы мовіць, сыравіны, з якой маюць быць вытвараны у ідэале дзяржаўныя, агульнанародныя каштоўнасці. А ў гэтай ланцуговай повязі наўрад ці натрапіць нехта з нас хоць на яскарку ісціны. Дык чаму і як тады навучацца? А галоўнае — дзеля чаго?..

Сімптомаў тым часам, якія паказвалі б на кардынальны разварот адукацыйнай машыны да Пачатку стваральнага, вынаходніцкага, пакуль не заўважна — ані штуршка, ні імпульсу. Таму ярка, таленавіта, харобра (бо не пазбегнеш супраціву інерцыі!) на ўсіх кірунках нашага нацыянальнага шляху ТВОРАЦЬ толькі апантаныя майстры-адзіночкі. Такі несуцяшальны факт.

Затое факт гэты адхінае заслону над замшэлым лозунгам, быццам сума вывучаных схем і формул раўняецца асвечанасці, а без гэтай грувасткай сумы ты загібнеш у цемрадзі. Заўважу: у журналістыцы нашай зусім не прафэсіяналы, загартаваныя на факультэтах, што, пра каго і наколькі своечасова пісаць, а самавучкі кшталту загінулага Паўла Шарамета — кваліфікаванага банкіра — бяруць найскладаныя вышыні. Бо не дрэсіраваныя таленавітыя «самавучкі» прыгатаванню выгоднаядомых страў, не прыстаўлены да іх пільны цэнзар у вобліку прадажнасці і псеўдасправядлівасці, але маецца ўсярэдзіне іх такая патаемная спружынка, якая, раскруціўшыся, спараджае волю думаць і гаварыць не як патрэбна, а як адкрывае сама Сутнасць, як «надыктоўвае» з'яднальная прыродная Сіла. Бо насамрэч істотнымі ёсць далёка не самае мноства ўведанага і нават не майстравітасць скарыстання таго заварожвальнага мноства, але ўнікальная адоранасць абстрагавання ад здабыткаў (цывілізацыйных і асабістых), каб з іх спажыўнай глебы ўзрасціць новы, не падобны да ўчарашняга, падлесак (не варта блытаць з селекцыянерствам!) — падлесак, насычаны Сілай, што працякае, як электрычнасць па дратах, нібы кроў па праваднікох генаў, з таго, што было, да таго, што будзе. І адшуквае, паказвае, дараджвае тая Сіла найлепшы з варыянтаў эвалюцыі.

> ***У журналістыцы нашай зусім не прафэсіяналы, загартаваныя на факультэтах, што, пра каго і наколькі своечасова пісаць, а самавучкі кшталту загінулага Паўла Шарамета — кваліфікаванага банкіра — бяруць найскладаныя вышыні.***

А распаўсюджваецца гэты закон цэнтрабежнасці і цэнтрапамкнёнасці Сілы на ўсіх і кожнага — на творцаў, земляробаў, навукоўцаў, рабачаяў. Ды прымаюць і трымаюцца яго толькі тыя, хто навучаўся, каб адчуць грунт і складаць самога сябе, у жыцці і прафесіі, сатвараючы СТАН судалучнасці, суадказнасці, сувымернасці, без якіх аніколі не выйдуць наверх ані Праўда, ані Лад, ані Любоў, ані мастацкі (навуковы, майстэрскі, кухарскі, лякарскі — які б там ні было!) Дар. А без таго шуканага і мроенага праз вякі Дару, ведама ж, сам сабе на шкоду нагаспадарыш…

Американская сага белорусской семьи

Один мой приятель провел две недели в Вашингтоне по приглашению Конгресса. «Ну, как там?» — спросил я его при встрече. «Да нормально», — ответил приятель. Более нелепого вопроса в данной ситуации, пожалуй, и не придумать. Какие впечатления могут остаться от поездки в «столицу империализма», если путешествие полностью оплатила приглашающая сторона?!

Сергей НИКОЛЮК

Наш короткий диалог в режиме вопрос-ответ приятель прокомментировал анекдотом: «В чистилище одному католику неожиданно предложили самостоятельно сделать выбор между адом и раем. Католик согласился и для начала решил посетить ад. Его взору открылась неожиданная картина: ресторан, неограниченное количество разнообразной выпивки да танцующие обнаженные женщины… Такой ад католика вполне устроил. От посещения рая он отказался и тут же очутился в котле с кипящей смолой. Мораль: не надо путать туризм и эмиграцию».

Америка туристов и Америка эмигрантов, как говорят в Одессе, две большие разницы. И если ваш папа не миллионер, а вы собрались пересечь Атлантический океан в качестве эмигранта, то будьте готовы съесть свою ложку… «органики». Такова реальность, которая преподнесет вам весьма конкретные и незабываемые ощущения.

Учитывая мой личный опыт познания американской реальности, редактор «Абажура» попросил написать меня о белорусах в Америке. Но мой опыт, во-первых, ограничен, во-вторых, основан на впечатлениях 15-летней давности. Требуемого количества фактов для обобщений с его помощью не наскрести, поэтому я решил схитрить и обратиться к опыту своих детей и бывшей жены. Выборка явно нерепрезентативная. По нескольким деревьям нельзя судить о состоянии леса, и тем не менее чего не сделаешь ради желания увидеть свое имя среди авторов журнала.

Из директора в жестянщики

Один из легальных путей стать американцем — выиграть в лотерею грин-карту. В 1999 г. уже первая попытка оказалась для меня удачной. Играют в лотерею лично, но выигрывает семья (супруга/супруг и несовершеннолетние дети), поэтому моей старшей дочери паковать чемоданы не пришлось.

Из Минска я вылетел в статусе бывшего исполнительного директора ЗАО «Белорусская деловая газета», а приземлился в Нью-Йорке эмигрантом, согласным на любую работу. Такая работа для меня нашлась в небольшой фирме, специализирующейся на изготовлении систем кондиционирования воздуха. Хозяин — итальянец, делопроизводитель — американка (кроме нее никто английским свободно не владел) и еще 10–12 представителей Латинской Америки, Африки и Восточной Европы.

Изготовлением воздухопроводов я занимался около года и не без успеха, что подтверждается стремлением хозяина удержать меня с помощью женитьбы. Однако ни одна из потенциальных невест меня не заинтересовала, и, мурлыча под нос «Гудбай, Америка», я пересек Атлантику в обратном направлении.

У моей жены Ирины, которая почти сразу же после переезда на ПМЖ, перешла в разряд бывших, были иные виды на будущее. До получения грин-карты она имела двухлетний опыт нелегального проживания в Америке. Перечень

работ для нелегалов ограничен. Но устроиться домработницей или няней вполне реально. В конце 90-х, проживая в семье (не платя за жилье и питание), можно было зарабатывать минимум тысячу долларов в месяц.

В годы брежневского застоя Ирина работала детским хирургом. У нее была мечта, понятная каждой советской женщине, — не мыть полиэтиленовые пакеты для повторного их использования и не поднимать петли на старых колготках. В Америке, вложив 20 тыс. долларов в образование и отучившись год, она получила лицензию технолога по радиоизотопной диагностике. Сегодня у нее свой дом в Нью-Джерси за полмиллиона (разумеется, в кредит) и перспектива выйти на пенсию в 65 лет. Плюсы можно перечислять долго, но и собранные вместе они не в состоянии обеспечить советский уровень «уверенности в завтрашнем дне». Впрочем, ее (уверенности) нет и у большинства белорусов, продолжающих жить среди родных берез и сосен. Но это тема для отдельного разговора.

С университетской скамьи в средний класс

«Если вы решите жить во Франции, вы никогда не станете французом, если в Англии — англичанином. Но если вы переедете в Америку, то станете американцем». За точность цитирования президента Рональда Рейгана не ручаюсь. Однако смысл понятен. Америка — страна эмигрантов, и потому факт вашего неамериканского происхождения не делает вас человеком второго сорта.

В Америке можно прожить всю жизнь так и не освоив английский даже на самом примитивном уровне. Естественно, найти работу за пределами Брайтон-бич вам будет проблематично. Да и в пределах знаменитой улицы (в данном случае я использую ее как символ компактного проживания эмигрантов из бывших советских республик) рассчитывать на то, что вы подниметесь выше уровня специалиста по мытью унитазов, не приходится.

Для реализации американской мечты желательно иметь университетский диплом. Образование платное. Но для эмигранта в первом поколении оно доступно, при условии что он готов «пахать».

Моя младшая дочь Женя первые три года учебы на химическом факультете в City University of New York оплачивала сама. Но работать ей пришлось full time, а учиться part time. Оплату за четвертый и пятый годы обучения удалось покрыть за счет стипендии (scholarship). Однако в последний год совместить учебу с работой не получилось. Пришлось взять кредит «на жизнь».

В белорусских университетах время учебы строго ограничено. В Америке можно учиться хоть всю жизнь. Для получения диплома необходимо набрать определенное количество «очков» (credits) за освоенные курсы. Сколько времени на это потребуется — проблема студента. Женя училась пять лет. Но ей повезло: часть credits (примерно в годовом объеме) она получила за изучение предметов в Академии управления в Минске.

> ***Америка — страна эмигрантов, поэтому факт вашего неамериканского происхождения не делает вас человеком второго сорта.***

С поиском работы особых проблем не возникло, так как первая половина «нулевых» — это время активного выхода на пенсию многочисленного послевоенного поколения (поколения беби-бумеров). Как правило, свою первую работу выпускники университетов находят на «ярмарках вакансий». Моя дочь не была исключением. Один из крупнейших химических концернов Америки Praxair стал ее первым работодателем (белорусам пенсионного возраста Praxair известен под названием Union Carbide; 3 декабря 1984 г. в результате взрыва емкости с токсичным химикатом на одном из заводов концерна в индийском городе Бхопале погибло около 18 тыс. человек).

Работа в Praxair началась с 18-месячной стажировки, за время которой будущий инженер-технолог получила возможность детально ознакомиться с работой основных подразделений концерна (от разработки техпроцессов до финансов и маркетинга). При этом стажеру с первого дня выплачивалась заработная плата в полном объеме.

В связи с этим не могу не вспомнить свой первый рабочий день в должности мастера на ПО «Интеграл» в 1974 г., завершившийся матом, которым замначальника цеха покрыл

меня за невыполненное сменное задание (мой предшественник, снятый с должности, не выполнял его в течение полугода).

Члены семьи инженеров крупной компании в Америке (Женя вышла замуж за сокурсника) по своему социальному статусу — типичные представители среднего класса. В материальном плане это подразумевает собственный дом (в кредит), новые автомобили и отпуск в Мексике или на Багамских островах.

Вопреки научно-популярной литературе

Мой сын Дима переехал в Америку после «окончания» 9-го класса. Кавычки в данном случае я поставил не случайно, так как к экзаменам он не был допущен ввиду систематических пропусков занятий. Но учеба на сплошные тройки с жирными минусами была лишь цветочками по сравнению со звонками из отделения милиции, где он оказывался по причине нахождения на улице в нетрезвом виде.

Для реализации американской мечты желательно иметь университетский диплом. Образование платное. Но для эмигранта в первом поколении оно доступно, при условии что он готов «пахать».

В ближайшей школе в Нью-Йорке отсутствие документов об уровне школьной подготовки никого не смутило. Реальные знания выяснили с помощь тестов, на основании которых и был определен класс по каждому предмету. Нулевой английский не стал существенным препятствием для учебы. Для детей иммигрантов в школе были классы, в которых английский преподавался как второй язык (english as a second language). Большинство учителей владело русским языком. Однако это исключение, а не правило. Все дело в большом количестве русскоязычных иммигрантов в главном городе восточного побережья Америки.

Нью-Йорк — город контрастов. Найти компанию сверстников с аналогичными интересами не проблема. Интересы моего сына не являлись тайной. Ближе к концу первого года учебы я стал получать письма на стандартных бланках, из которых следовало, что Дима пропустил занятия в понедельник, вторник, среду, четверг и пятницу.

Что я мог сделать? Утром — на работу. Домой — не раньше 18.00. Жена, к этому моменту уже с приставкой экс, была поглощена обустройством нового семейного очага. Осознав бесполезность своих усилий, я решил дезертировать с педагогического фронта и покинуть Америчку (так любовно называют свою новую родину жители Брайтона).

Прошло 17 лет. Сегодня Дима — сотрудник крупнейшей телекоммуникационной американской компании Verizon. Высшего образования он не получил, но кроме работы у него есть только одно увлечение в жизни — учеба. Последнее его достижение — лицензия на проектирование компьютерных сетей.

Как белорусский школьник, неспособный самостоятельно подготовиться к уроку географии, стал трудоголиком — мне понять не дано. Я был уверен, что базовые характеристики человека формируются к пяти годам (спасибо научно-популярной литературе), а дальше идет простое накопление знаний. Сказка Андерсена про гадкого утенка, безусловно, шедевр мировой литературы. Но это сказка, а в жизни мне неоднократно приходилось наблюдать обратный процесс, когда вполне оформившиеся лебеди превращались в гадких утят. Как правило, с помощью водки.

Учиться никогда не поздно

В Америке около 4,5 тыс. высших учебных заведений, в которых в 2014 г. обучалось 890 тыс. иностранных студентов. Каждый четвертый — китаец. Информацией о количестве белорусских студентов я не располагаю. Родное «государство для народа» обучение за границей не поощряет. Оно не видит в этом смысла. Как тут не привести цитату из доклада Лукашенко на пятом Всебелорусском народном собрании: «По показателям доступности образования — поступлению детей в школу, количеству студентов учреждений высшего образования — Беларусь находится на уровне высокоразвитых стран и опережает многие страны Европы и мира».

По количеству студентов мы в лидерах. Не спорю. А как с качеством образования?

В 2013 г. моя старшая дочь Юля поступила в университет штата Делавэр. Ей не повезло

С каким из следующих утверждений о белорусском государстве, построенном при президенте Лукашенко, Вы бы согласились? (процент от числа опрошенных)

Вариант ответа	Все опрошенные	Отношение к Лукашенко	
		Доверяют	Не доверяют
Это мое государство, оно защищает мои интересы	30	62	6
Это лишь отчасти мое государство, оно недостаточно защищает интересы таких, как я	47	25	63
Это не мое государство, оно не защищает мои интересы, и я не доверяю ему	15	6	25
ЗО/НО	8	7	6

НИСЭПИ, июнь 2016

с лотереей грин-карт, но повезло с учебой. Во-первых, ее зачислили сразу на магистерскую программу. Во-вторых, университет оплатил 90% стоимости учебы. В-третьих, он предоставил ей работу.

Студенческая виза дает право на переезд в Америку членам семьи студента, однако без права на работу, поэтому муж дочери остался в Минске, а двое моих внуков стали американскими школьниками. Адаптировались они без особых проблем, несмотря на отсутствие специализированных классов с english as a second language.

Совмещать учебу в университете, работу и воспитание детей — дело непростое. Возникает проблема времени, которого катастрофически не хватает, но есть и проблема денег. Цены в Америке далеко не белорусские. Только за аренду квартиры приходится выкладывать 1 тыс. долларов ежемесячно. Безусловно, пришлось влезть в долги.

Тем не менее за два года Юля с магистерской программой справилась и в год своего сорокалетия защитила дипломную работу по теме «Гражданское общество в Беларуси».

Учиться никогда не поздно. Руководствуясь данным принципом, она решила продолжить образование и поступила на докторскую программу (Philosophiæ Doctor, PhD). Программа рассчитана на 4 года. Таким образом, в семье белорусского политолога-любителя Сергея Николюка с высокой степенью вероятности появится доктор социологии, получивший научную степень в американском университете.

Вот такие истории из семейного альбома.

Немного социологии

В довоенном советском фильме «Дети капитана Гранта» была песенка про веселый ветер с жизнеутверждающими словами: «Кто весел — тот смеется. Кто хочет — тот добьется. Кто ищет — тот всегда найдет!». Фильм вышел накануне Большого террора, в 1936 г. Одна из главных целей советского оптимизма, активно внедряемого пропагандой, заключалась в мобилизации индивидуальной энергии людей на реализацию интересов тоталитарного государства. Интересы самих людей при этом в расчет не брались.

Мобилизационные возможности современного белорусского государства несравнимы с возможностями его советского предшественника, поэтому оно опирается не на активность, а на пассивность населения. Проведение парламентских выборов «в скучном режиме» (термин Лукашенко) — лишь один из примеров блокировки политической активности белорусов.

Всю политическую активность замкнуло на себя родное государство, «государство для народа». Однако вопреки официальной мифологии в качестве своего его безоговорочно воспринимают менее трети белорусов (см. таблицу).

Своим белорусское государство считают 54% пожилых людей старше 60 лет и только 22% молодежи (от 18 до 29 лет); 70% с начальным образованием и 22% с высшим. Стоит ли после этого удивляться, что абсолютное большинство молодых и образованных декларируют желание выехать на ПМЖ в Европу и Америку.

Разумеется, практические шаги для переезда предпринимают считанные проценты. Но это самые энергичные граждане. Это те, кто готов на начальном этапе на новом месте съесть свою ложку весьма неприятной на вкус субстанции. Чтобы потом забыть этот запах навсегда, т. е. больше не мыть полиэтиленовые пакеты и не штопать колготки…

Пра любоў, чалавекапавал і бясчассе

Пра гэта пісала і піша душа паэта. Ён прызнаны і таленавіты. У нечым апальны. Як некаторыя, ён мог быць абласканы ўладай. Але ці патрэбна гэта сапраўднаму мастаку, калі ты ўжо не зможаш пісаць пра неабдымнае неба, якое ахінае нашу грэшную зямлю. Пра зоркі, якіяміргаюць і плачуць, гледзячы на тое, як беларусы губляюць сваю гістарычную памяць, мову, культуру і годнасць. Сяргей ЗАКОННІКАЎ не проста марыць, а штодня працуе над тым, каб наша нацыя стала сапраўды моцнай і годнай. Гутарым у кватэры паэта на самым апошнім паверсе, пад самым небам…

Уладзімір ДЗЮБА

— Сяргей Іванавіч, у тваёй творчасці заўсёды прысутнічала хвалюючая грамадзянская тэма. Аднак гэтыя пранізлівыя ноты ніколі не заглушалі мелодыю любові, якая гучала нават у самыя цяжкія часы. Скажы, калі ласка, ці ратавала цябе любоў у цяжкія хвіліны? Свой першы верш ты прысвяціў жанчыне, ці памыляюся?

— Не, не памыляешся. Трэба падзяляць любоў і каханне. Любоў убірае ў сябе і каханне. Каханне — гэта асобна. І калі гаварыць пра жанчыну, то я напісаў такі кароценькі вершык. Напісаў экспромтам, таму што Анатоль Сыс — быў такі таленавіты паэт са сваім складаным лёсам — аднойчы прыйшоў да мяне і кажа: «Я напісаў верш экспромтам і Валодзя Някляеў даў мне сто долараў. А ты можаш так напісаць?» Я кажу: «Гледзячы пра што». А ён: «Напішы пра каханне, пра жанчыну і… хуценька так». Я пытаюся: «Ты што, дасі мне 100 долараў?» — «Не, — кажа. — Я злётаю да Някляева і ў яго папрашу». Добра, кажу, долары мне твае не патрэбныя, але зараз

што-небудзь прыдумаем… Я прысеў, засяродзіўся і напісаў:

Ёсць назвы і болей нічога:
Жанчына, каханне, жыццё.
Замкнута ад нас адкрыццё,
А ключ пад падушкай у Бога.

Анатоль стаяў на каленях перад сталом. Ён заўсёды быў такі эпатажны, артыстычны, эмацыянальны. І калі ён пачуў пра «ключ пад падушкай у Бога», то сказаў: «Да-а-а… Ты добра напісаў».

Па жыцці мяне ўвесь час ратавалі жанчыны, а мужчыны мне прыносілі толькі шкоду. Я гэта гавару адкрыта, бо так насамрэч атрымалася. Пачынаючы са студэнцкіх часоў, калі мяне хацелі несправядліва выключыць і з камсамола, і з універсітэта. Потым далі строгую вымову па камсамольскай лініі з занясеннем у картку, выгналі мяне з інтэрната і я па вакзалах начаваў… І ўсё гэта заканчвалася тым, што мяне ратавалі жанчыны. Адзіная студэнтка, Ліда Пістуновіч, якая была членам камітэта камсамола, уступілася за мяне. Я тады вучыўся на першым курсе ў БДУ, на філфаку. Мяне проста хацелі знішчыць…

— За што?

— За тое, што я напісаў праўду ў адносінах да аднаго супрацоўніка раённай газеты, які павёў сябе несумленна. І яшчэ да гэтай справы мелі дачыненне два карэспандэнты газеты «Знамя юности» і адзін наш вядомы паэт.

— І пачалі цябе душыць?

— Так. Гэта я ўспамінаю выпадак з маладосці, можна сказаць, юнацтва. І далей па жыцці мяне ўвесь час ратавалі жанчыны. Яны былі побач са мной усё жыццё: у мяне дзве дачкі, жонка, у мяне цешча была. І нават сабаку звалі Дашкай. І ўсе да мяне ставіліся вельмі добра, а я да іх. Шчыра скажу, што ў мяне ёсць эсэ «Думаю пра цябе», даўно напісаў. Яно вельмі спадабалася чытачам, асабліва, канечне, жанчынам, і было надрукавана ў часопісе «Беларусь». Там я пастараўся як паэт асэнсаваць лёс беларускай жанчыны. Лёс нашых бабулек, прабабулек і… да сённяшняга дня. Што такое жанчына для Беларусі, якая яе роля ў тым, што мы захавалі сваю нацыю. Якая б яна ні была — затурканая кімсьці, дабітая сёння, палахлівая, але тым не менш мы пранеслі яе праз часы на далікатных плячах жанчыны. Колькі войнаў было, выбілі ўсё тут! Потым рэпрэсіі — каго больш выбівалі? Мужчын! Рэвалюцыя павыбівала таксама. І ўсё цягнулі жанчыны — і плугі, і хамуты, і дзяцей. Таму роля беларускай жанчыны да канца не ацэненая.

Маладая сям'я Законнікавых

— Людзі больш сталага пакалення ў 1970-я і нават на пачатку 1980-х шчыра верылі ў камуністычныя ідэалы, але прыйшло горкае расчараванне. Калі ж змяніўся твой палітычны светапогляд?

— У гэтым пераасэнсаванні мне дапамагло тое, што ў мяне быў дзядзька Сяргей Ракіта (Сяргей Васільевіч Законнікаў). Гэта паэт маладнякоўскага прызыву 1930-х. Яго рэпрэсіравалі ў самым росквіце сіл у 1936 годзе, калі яму было 27 гадоў. Ён толькі паспеў выпусціць калектыўны зборнік вершаў і свой «Я агітую за пяцігодку». Нават назва зборніка гаворыць за сябе. Хлопцы ж гэтыя былі апантаныя, яны верылі новым савецкім уладам… Але былі разумнымі і пачалі прыглядацца — што ж насамрэч робіць гэтая ўлада. А дзядзьку майго загрэблі за тое, што ён абараняў Янку Купалу і публічна выступіў у яго

Ніл Гілевіч,
Сяргей Законнікаў,
Максім Танк.
1981 г.

абарону. На Купалу ў той час былі нападкі, што ён нацыяналіст і г. д. Потым мой дзядзька публічна выступіў супраць калгасаў і сказаў, што калгасы — гэта дзяржаўны канцлагер, куды зганяюць людзей. І яго ўзялі «на заметку». Урэшце яго абвінавацілі ў контррэвалюцыйнай дзейнасці. Бо маладыя паэты збіраліся, вершы чыталі, слухалі крытычныя прамовы Троцкага. Яны хацелі разабрацца, што гэта за ўлада, як далей жыць і што рабіць. А яшчэ дзядзька выступіў супраць наркамаўкі і сказаў, што новы правапіс вельмі адмоўна паўплывае на развіццё нашай мовы. І што будзе нанесена шкода ў валоданні роднай мовай усяму насельніцтву Беларусі. Сяргея Ракіту за гэтыя выказванні таксама абвінавацілі. І вось я сёння пытаюся, а ў чым не меў рацыі мой дзядзька? Тым больш што ён не быў заклятым ворагам савецкай улады, а крытыкаваў тое, што яму не падабалася.

— Ён жа дбаў пра дабрабыт людзей, змагаўся за мову, за Бацькаўшчыну…

— Так! Ягоны бацька Васіль, то бок мой дзед Васіль Іванавіч, калі вярнуўся з фронта пасля Першай імперыялістычнай, быў старшынёй камбеда. Ён таксама быў за савецкую ўладу, але супраць калгасаў, куды прымусам зганялі людзей і жывёлу. Мяне асабліва ўразіў расказ бацькі, як у тых калгасах па-дзікунску адносіліся да жывёлы. Дбайныя гаспадары гэтых коней ды каровак дагледжвалі, яны маліліся на іх! А ў калгасе заганялі скаціну ў стойла і яна там мёрла…

Потым я пачаў пытацца пра свайго дзядзьку, шукаць… Мы пачалі гэта рабіць толькі тады, калі прайшла рэабілітацыя. Да гэтага бацька нам нічога не расказваў, бо баяўся, што малыя дзеці могуць недзе прагаварыцца. Калі дзядзьку забралі, бацька быў напалоханы страшна. І калі з Мінска прыйшоў ліст, што трэба забраць дзядзькавы ганарары, бабуля сказала майму бацьку: «Іван, не трэба ехаць, бо заграбуць і цябе».

Спачатку мой дзядзька Сяргей сядзеў у перасыльнай турме ў Магілёве, а потым яго адправілі па этапу ў Ніжні Ноўгарад, тагачасны горад Горкі. Туды да яго ездзіла маці, мая бабуля. Яна мне расказвала, як прывезла яму валёнкі, шкарпэткі цёплыя. Пірагоў напякла, у нас яны называюцца лапуны — праснакі такія, што доўга захоўваюцца. А наглядчыкі пры ёй дзялілі гэтыя рэчы паміж сабой. А потым сказалі: «Ну что, мамаша, хлебца привезла? Но твой сын обеспечен, он у нас как на курорте, все у нас тут хорошо. А хлеб проверим, может, пилочку какую спрятала…» Усе пірагі паламалі, а цяпер, кажуць, «пусть ест наздоровье». «А ты, мамаша, едь потихоньку в свою Белоруссию. Ты с ним не встретишься. Не волнуйся, он на свежем воздухе, в лесу».

Васіль Быкаў, Сяргей Законнікаў,
лётчык і пісьменнік Анатоль Сульянаў

— А дзядзька рабіў на лесапавале, дзе былі катаржныя ўмовы працы. Там, відаць, ён і загінуў?

— Загінуў невядома дзе. Яшчэ раней я напісаў вершы, якія аказаліся прароцкімі, я падазраваў, што ён загінуў не проста на лесапавале. І гэта пацвердзілася ў апошнія гады новымі дакументамі пра лёс дзядзькі. Я напісаў, што палітычныя асуджаныя ў ягоным лагеры паднялі паўстанне ў 1941 годзе, калі пачалася вайна. Бо ў той жа самы дзень, 22 чэрвеня, вязні даведаліся пра вайну. І яны ўчынілі бунт з патрабаваннем, каб іх

ЦК КПБ, аддзел культуры. Злева направа: Уладзімір Гілеп (загадчык сектара мастацтваў), Сяргей Законнікаў (загадчык сектара мастацкай літаратуры), Генадзь Бураўкін (старшыня Дзяржтэлерадыё БССР), Іван Антановіч (загадчык аддзела культуры ЦК КПБ). Пачатак 1980-х гг.

адправілі на фронт. І вось дакументы сведчаць, што першы раз дзядзьку судзілі ў 1936 годзе, калі далі 10 гадоў. А ў чэрвені 1941-га яго судзіла ўжо лагерная «тройка» за ўдзел у паўстанні. І невядома, чым там усё скончылася, таму месца, дзе пахаваны дзядзька, невядомае.

— Як і сотняў тысяч вязняў сталінскага ГУЛАГа з Беларусі ды іншых савецкіх рэспублік.

— Літаральна. І я напісаў у вершы, які называецца «Лесапавал»:

Можа ў дол пахавалі,
Можа сняжком замяло.
На Чалавекапавале
Нормы тады не было.

Так я ўвёў у літаратуру слова «чалавекапавал». Дзядзька пахаваны недзе ў раёне чыгуначнай станцыі Суха-Бязводнае, дзе ў той час было шмат лагераў. Там пакутавалі не толькі палітычныя вязні, там сядзелі крымінальнікі, там былі лагеры для жанчын і асобна для дзяцей і падлеткаў. Я прачытаў у інтэрнэце расповед расійскіх журналістаў, што цяпер на тым жа месцы знаходзяцца сучасныя лагеры, так званыя зоны.

— Сяргей Іванавіч, я думаю, што абурэнне, нязгода з несправядлівасцю і прага да праўды таксама падштурхоўваюць да працы. І тут ужо, відаць, не да лірыкі. Што цябе натхняла раней і падштурхоўвае да творчасці цяпер, у сталыя гады?

— Я неяк задумаўся, чаму я пачаў пісаць. Мне здаецца, маюць рацыю тыя людзі, якія лічаць, што многае закладзена ў генах. Магчыма, калі б не лёс майго дзядзькі, то я б і не пісаў. Аднак не толькі мой дзядзька, але і бацька пісаў вершы і нават друкаваўся перад самым пачаткам вайны. Ён яшчэ зусім маладым хлопцам павінен быў ехаць у Мінск, каб адрэдагаваць свой першы зборнік. Ён быў настаўнікам, а пасля вайны яго дырэктарам школы прызначылі. Усё спалена, разбурана, ні дошкі табе, ні цвіка… Але бацька здолеў пабудаваць некалькі школ у той час. Так што ў генах маіх нешта ёсць. А другое, пра што ты казаў… Як я сябе памятаю, усё пачынаецца з любові. Калі мы становімся дарослымі, мы трошкі шырэй разумеем гэта слова, яно становіцца больш аб'ёмным. А на той час, калі ты малы, ты любіш тое, што вакол цябе. Калі пачытаць мае самыя першыя вершы, то я захапляўся лясамі, сярод якіх жыў, сваімі азёрамі, дзе на чоўне лавіў рыбу. З маленства я любіў прыроду і хацеў яе ўславіць у сваіх радках. Гэта мая родная зямля! Пра чалавека я тады не думаў. Пра чалавека я пазней пачаў думаць: хто і што ён у гэтай прыродзе.

Сяргей Законнікаў і Пімен Панчанка. 1983 г.

— А калі з'явілася грамадзянскае гучанне ў тваіх вершах? Людзей з абвостраным пачуццём справядлівасці няшмат, але ва ўсе часы гэта былі самыя сумленныя людзі — літаратары, журналісты, мастакі. Ім цяжка было, бо яны ўсё жыццё змагаліся за праўду і шукалі справядлівасць. Калі ты стаў успрымаць свет больш крытычна?

— Тут, Валодзя, вось якая рэч… Я ж не толькі вершы пісаў. У школе я быў, можна сказаць, селькорам: яшчэ малым пісаў заметкі ў раённую газету. Потым я падрос і працягваў пісаць, у рэдакцыях гэта віталі. Калі вучыўся ў дзявятым класе, то мой нарыс нават надрукавалі ў газеце «Советская культура», органе ЦК КПСС. І вось гэтыя занятак

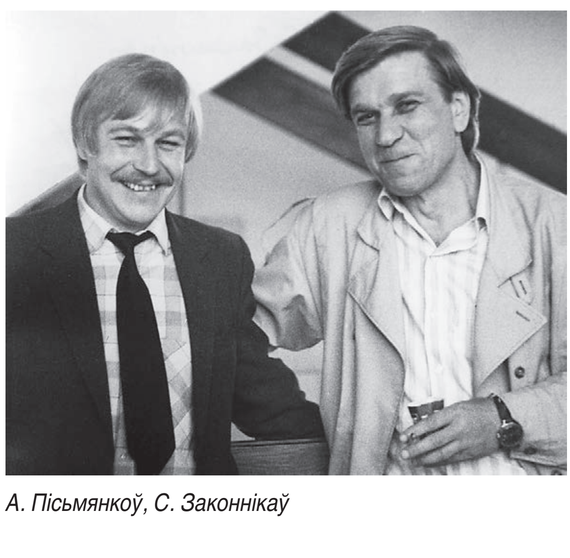
На 150-годдзі Францішка Багушэвіча

пачатковай, «школьнай» журналістыкай шмат што мне даваў. Бо была зваротная сувязь: прымаюць мой матэрыял ці не або мой артыкул выклікае нейкі скандал. Напрыклад, калі я пісаў пра браканьераў, як зараз кажуць, я падстаўляўся. Ты ж разумееш, што такое ў вёсцы пісаць пра браканьераў…

— Творчая эліта стагоддзямі ў самых розных краінах займалася асветніцкай дзейнасцю, каб абудзіць у людзей пачуццё гонару, годнасці. Часта дзеля гэтага яе прадстаўнікі ахвяравалі не толькі сваім здароўем, але і жыццём. І, на жаль, многія з іх адчулі боль расчаравання, бо народ так нічога і не ўсвядоміў, не стаў маналітнай, годнай нацыяй. А застаўся масай, якой кіравалі і кіруюць палітыкі-прайдзісветы. Мы не маем права — ні ты, ні я — увогуле судзіць народ. Аднак ці было ў тваёй душы расчараванне? Нам усім хацелася дэмакратычных перамен напачатку 1990-х, але надзеі не спраўдзіліся.

— Думаю, тут наогул нікога судзіць не трэба… Вернемся да таго, пра што мы толькі што гаварылі. Праца селькора у палітычнам плане мне дала многае. Былі скандалы, было супрацьстаянне з браканьерамі, супрацьстаянне з кіраўніцтвам саўгаса, дзе я жыў, бо я пісаў пра недахопы, якія бачыў. Асабліва мяне ўразіла палеміка з былымі камандзірамі партызанскіх брыгад пасля майго артыкула «Дзяўчына з легенды». Я напісаў пра дзяўчыну-падпольшчыцу з маёй вёскі Глыбачкі, якая пякла хлеб для партызан. Яе гестапаўцы затрымалі з гэтым хлебам і закатавалі, а ёй не было нават 18 гадоў. Я напісаў нарыс, які ўслаўляў гэтае патрыятычнае дзяўчо. Два камбрыгі прачыталі гэты матэрыял і не заўважылі там сваіх прозвішчаў, не было сказана пра іх брыгады і пра тое, што гэта яны кіраўнікі ўсяго партызанскага руху на Віцебшчыне. І што гэта дзяўчына была ў іх у падчыненні, і што гэта яны (!) выхавалі такую дзяўчыну. Хаця яе вахавалі бацькі, яе сям'я. І вось яны на мяне, дзевяцікласніка, абрынуліся — два камбрыгі з ордэнамі, званнямі… І газета «Віцебскі рабочы» на цэлы год адмовілася друкаваць мае матэрыялы. Мяне запрасіў у Віцебск галоўны рэдактар і сказаў: «Сяргей, ты добры хлопец, мы цябе любім і будзем надалей падтрымліваць… Аднак ты нас прабач, бо год мы цябе друкаваць не будзем. Пакуль не супакояцца гэтыя мастадонты». І вось тады я зразумеў, што такое праўда-няпраўда, што такое амбіцыі ганарыстых людзей, якім было напляваць на лёс гэтай дзяўчынкі. Бо іх цікавіла толькі асабістая слава, каб яшчэ раз у абласной газеце расказалі, што «Іван Іванавіч» быў камбрыгам, а ў той брыгадзе была такая падпольшчыца. На такіх прыкладах я вучыўся нянавісці да ўсякай мярзоты, да чалавечай зайздрасці і подласці, нежадання зразумець іншага чалавека. І таму ў нашым жыцці мы шмат што губляем з-за таго, што не ўмеем слухаць другога, не імкнемся зразумець яго, падыйсці да яго… Замест гэтага людзі пачынаюць лаянку паміж сабой.

— За савецкім часам было шмат прыстасавальніцтва, тагачасная сістэма яго проста культывавала. Вядома, што халуі ў творчасці, мастацтве былі заўсёды, нават у старажытным Рыме пісалі салодкія оды дыктатарам. І цяпер хапае прыкарытнікаў, як трапна назваў іх у свой час Васіль Быкаў. Сёння прыкарытнікі паўсюль. Нягледзячы на эканамічны крызіс, яны ўбілі людзям у галаву, што ў нас паўсюль стабільнасць. Без сораму гаворыць пра стабільнасць вышэйшая ўлада. Некаторыя палітыкі ды грамадскія дзеячы называюць апошнія 20 гадоў часам «найноўшай гісторыі Беларусі». Аднак, шчыра прызнаюся, я не магу зразумець — чаму, хто гэта прыдумаў?! Хіба ў духоўным жыцці краіны, у сацыяльна-палітычнай ды эканамічнай



А. Пісьмянкоў, С. Законнікаў

Дні славянскай пісьменнасці і культуры. Выступае С. Законнікаў. 1990 г.

сферах адбыліся пэўныя зрухі? Я іх не бачу, бо працуе старая ідэалагічная мадэль, якая падаўляе вольнадумства ды ініцыятыву людзей. «Найноўшая гісторыя» павінна несці новы подых, які акрыляе грамадства, а тут настрой зусім сумны… Як бы ты наш час ахарактарызаваў?

— Тут можна развіць будзь здароў які філасофскі трактат! Аднак коратка: мы жывем у бясчассі! Як бы гэта ні было крыўдна для нашай улады. Чаму я так гавару? Бясчассе — гэта той час, у якім не будуецца нешта здаровае. Я таксама не магу на сённяшні дзень прымірыцца з вызначэннем «найноўшая гісторыя». Найноўшая гісторыя, калі на тое пайшло, гэта калі б мы пасля развалу Савецкага Саюза, на хвалі адмаўлення ад камуністычнай ідэі пачалі будаваць дэмакратычную дзяржаву. Справядлівую для ўсіх, дзе будуць гарманічна развівацца людзі, дзе будзе вяршэнстваваць толькі закон, перад якім павінны быць усе роўныя — ад прэзідэнта і да самага простага чалавека. Хаця я быў супраць інстытута прэзідэнцтва з той прычыны, што пры такой нізкай палітычнай культуры, якая пануе і сёння, можна было абыйсціся парламенцкай рэспублікай. Хаця, з другога боку, я разумею, што ў нашых умовах і гэтага нельга было зрабіць, бо ўсім хацелася прэзідэнта. Маўляў, ага! — у тых прэзідэнт, няхай і ў нас будзе. Таму што людзі не разумелі, што такое прэзідэнцкая рэспубліка. І я тады баяўся, што можа адбыцца, я пісаў пра гэта, выступаў публічна і не раз. І я не памыліўся, калі паглядзець, да чаго мы сёння прыйшлі.

Разгром у рэдакцыі часопіса «Полымя» з-за нацыянальнай пазіцыі. 1991 г.

Што я маю на ўвазе, калі гавару пра бясчассе. Мы хочам стварыць новую дзяржаву, пра што ўвесь час гаворым. Аднак будаўніцтва дзяржавы ўключае ў сябе шматлікія параметры. У тым ліку нацыянальнае пытанне, таму што мы мананацыянальная рэспубліка, у нас 83,4% беларусаў і мы павінны гэта ўлічваць. Гэта — нацыя, няхай з пэўнымі хібамі, але гэта нацыя! І яе трэба прымаць такой, якая яна ёсць. Не змаглі мы за XIX і XX стагоддзе вырасці як паўнавартасная нацыя з-за сваёй палітычнай неразвітасці, але ўсё адно мы — нацыя. І ў сусветным кантэксце нас павінны прымаць як паўнацэнную нацыю не па палітычных параметрах, а як этнас беларусаў. Нас жа хочуць наогул пазбавіць этнаса! Маўляў, беларусы — гэта рускія за знакам якасці. Што за лухта?! Я хачу быць тым, кім мяне нарадзіла маці, ад дзядоў і прадзедаў я — беларус. І тым ганаруся.

Стварэнне і згуртаванне нацыі, пабудова незалежнай дзяржавы — вельмі важныя працэсы. На жаль, нашы суайчыннікі гэтага не разумеюць. Маўляў, няма розніцы, на якой мове размаўляць: на рускай дык на рускай, на кітайскай — дык няхай сабе на кітайскай. Хаця ад мовы залежыць настрой нацыі. Як яна яна можа стварацца, як яна можа мацнець, як можа ў гэтым свеце знайсці сваю нішу і месца, калі ў яе няма нават сваёй мовы?! Таму у першую чаргу мяне вельмі хвалюе пытанне нацыястварэння. А потым і дзяржавастварэння. Бо я бачу, што наша сённяшняя аўтарытарная ўлада не звяртае на гэта ніякай увагі. Кіраўніцтва заклапочана толькі захаваннем сваіх мягкіх фатэляў. Бо яны даўно скемілі, што за ўладай стаяць вялікія грошы, якія можна змарнаваць ці прысабечыць, ты можаш распараджацца ўсім тваім народам як хочаш і г. д. Як вынік, поўная разбэшчанасць людзей у маральным плане. Спакон вякоў такое было, як толькі людзі з дыктатарскімі ці ўзурпатарскімі замашкамі дарываліся да ўлады.

І калі глядзіш на гэта ўсё, то бачыш, што паводле іхных планаў наперадзе няма нічога

Вечарына памяці Алеся Адамовіча. Мінск

дзяржавастваральнага: ну, існуе такая дзяржава, няхай сабе пакрысе існуе, на пазыках, расійскай халяве жывем — ну і жывем… Нічога стратэгічнага, каб узяць і падумаць, як можна мясцовыя рэсурсы скарыстаць, як зрабіць рэспубліку больш прывабнай, каб як мага больш турыстаў сюды заманіць… І галоўнае — распрацаваць такую стратэгію, каб уся дзяржаўная структура працавала на народ, каб беларусы ўрэшце сталі жыць заможна, больш культурна і г. д. Дык не! Сёння ўсё праўладнае чынавенства плюс сілавікі, уся гэта дзяржаўная машына, якую абывацель заўсёды баіцца, скіравана на тое, каб захаваць гэту ўладу.

Часта мы праводзім паралелі з савецкім часам. Дарэчы, я яго поўнасцю не адмятаю, бо за савецкім часам было многа чаго добрага. Але гэта быў час таталітарызму. І сённяшняя ўлада выйшла адтуль і забрала ўсё, што можна было забраць адмоўнае. Ды яшчэ памножыўшы гэта адмоўнае. Не магу сённяшнюю ўладу крытыкаваць поўнасцю, а толькі, магчыма, на 90 адсоткаў. Бо 10 адсоткаў нечага добрага ёсць, яно ёсць пры любой уладзе, нават дыктатарскай. Таму што грамадства супраціўляецца гэтай дыктатуры і нараджае нешта добрае. Напрыклад, як я магу сёння не прымаць тое, што нашы маладыя айцішнікі лепшыя ў свеце. Я таксама радуюся за нашых вядомых спартсменаў, якія цудоўна выступаюць і дабіваюцца перамог без усякіх допінгаў… Так што нешта добрае ёсць, аднак гэта толькі 10 адсоткаў! Вялікія грошы ідуць на тое, каб утрымліваць такую арду чыноўнікаў, сілавікоў, розных ідэолагаў ды цэнзараў. Яны затыкаюць рот людзям, якія хочуць сказаць праўду, хочуць свабодна размаўляць па-беларуску.

А мы, простыя людзі, таксама не будуем Беларусь, мы захоўваем аўтарытарную ўладу, бо мы ідзём і за яе галасуем. Таму я і кажу, што гэта — бясчассе! Ніякай «найноўшай гісторыі» у нас няма.

— На жаль, імпартаваць прагу да праўды, імкненне да праўды з-за мяжы немагчыма. Гэта павінна выспець у душах людзей. І працэс гэты вельмі цяжкі.

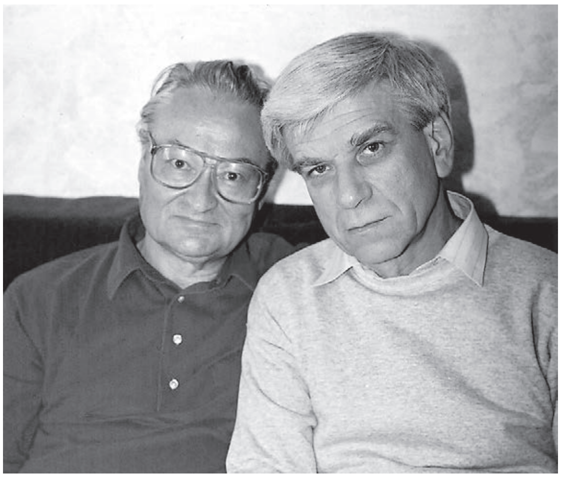
— Згодны. Аднак вышэй ты закрануў тэму асветніцтва. Я пра гэта гаварыў увесь час і буду паўтараць: асветніцтвам павінны займацца ўсе, у каго гэта атрымліваецца, не толькі паэты і пісьменнікі. Таму што асветнікаў у нас, калі гаварыць шчыра, вельмі мала.

— І далёка не кожны настаўнік, які вучыць беларускіх дзяцей, асветнік.

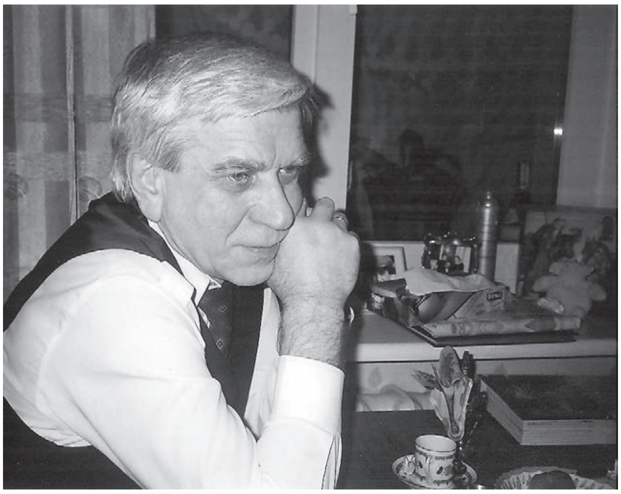
— Так, у нас сёння ідзе адукацыя, а выхаванне стаіць недзе ў баку. Я бываю ў школах і бачу, што выхаваннеператварылася ў ідэалагічную плынь: вось мы сход правялі, азнаёміліся з указам прэзідэнта, справаздачу напісалі і г. д. Я цікавіўся аналагічнымі працэсамі ў Еўропе, дзе паралельна ідуць адукацыя і выхаванне. Там на уроках літаратуры не так, як у нас: апішыце вобраз Гусляра ці яшчэ каго… Напрыклад, у Даніі, дзе я вельмі ўважліва прыглядаўся да адукацыі, на першым месцы ў школах урокі мовы і літаратуры. А з літаратуры на першым месцы — паэзія! Легенды, сагі пра сваіх герояў, пра сваю выдатную зямлю: самая лепшая зямля ў свеце — дацкая, самыя лепшыя героі — таксама нашы!

— Я двойчы быў у Даніі і гэта заўважна: датчане надта беражліва ставяцца да сваёй спадчыны, гісторыі. Бо настаўнікі там выхоўваюць нацыянальную свядомасць, вось што галоўнае.

— Абсалютна! А як практычна гэта робіцца? У Даніі ніякай мовы, акрамя дацкай, няма. Толькі



Сяргей Законнікаў з Генадзем Бураўкіным



«Шчымлівая споведзь збалелай душы»

з шостага класа ўводзіцца нямецкая мова. Гэта робіцца для таго, каб замацавалася свая родная мова, якую чалавек ніколі не забудзе, будзе шанаваць і любіць.

— Сяргей Іванавіч, а ці былі часы, калі ты вагаўся, калі даводзілася ісці насуперак сваім перакананням ужо ў сталым узросце, здрадзіць у чымсьці.

— Што тычыцца чыста чалавечых стасункаў, я табе скажу, што па жыцці магу спакойна глядзець у вочы людзям. Падчас працы ў газетах, у ЦК КПБ і шмат дзе яшчэ я ніколі не рабіў подласці.

— Твая жонка Лілія Рыгораўна для цябе толькі каханая жанчына ці яшчэ твой крытык, паплечнік і сябра?

— Наконт крытыка ўжо занадта! Але хачу сказаць, што яна для мяне з часоў маладосці застаецца эталонам прыгажосці і жаноцкасці да сённяшняга дня. Яна ўжо, як кажуць, бабуля, у якой унукі. Аднак, калі я гляджу на яе, я не бачу ніякай бабулькі. Я бачу тую прыгожую, з вяснушачкамі, смяшлівую, задзірыстую і вясёлую дзяўчыну, якая мне вельмі падабалася.

Што тычыцца творчасці, яна ніколі мне не замінала, а рабіла ўтульнасць у хаце, каб дапамагчы. Хаця элементарнай утульнасці ніколі ў маладосці не было, таму што кватэры ў нас не было, нічога не было. Ты не паверыш, мы жылі некалькі месяцаў на гарышчы ў Вушачах, таму што не было дзе жыць. А яна ўжо цяжарная была. На кватэру нас не хацелі браць, бо людзі бачылі, што цяжарная, будзе дзіцё, будзе шумна ў хаце… Здарылася, што ўжо канец верасня, пачатак кастрычніка, ужо іней на нашых галовах, а мы спім на гэтым гарышчы. І мы гэта ўсё прайшлі з ёю. У Мінску матляліся па прыватных кватэрах ужо з дзіцём. Мы шмат што прайшлі і перажылі. І заўсёды Ліля гаварыла: «Як ты лічыш патрэбным, так і рабі».

— Ты лічыш сябе ўсё ж такі шчаслівым чалавекам, бо ў творчасці ты адбыўся, адбыўся таксама як бацька, як дзед — у чым тваё шчасце?

— Што тычыцца творчасці, ніколі не трэба думаць, што ты схапіў бога за бараду. Я магу сказаць, што ў мяне ёсць неблагія чатыры паэмы. У мяне ёсць два дзесяткі добрых вершаў, за якія мне не сорамна ні перад кім. Што тычыцца астатняга, то я стараўся ўсё зрабіць больш-менш добра. Але на сёння я вельмі задаволены, як да мяне ставяцца чытачы і крытыкі. Усё ж такі стукнула 70 гадоў і, як бы ты не думаў, што ты малады сваім розумам, хоць у цябе «запчасткі» нейкія адвальваюцца… І ў такім узросце, аглядаючыся на сваё жыццё, творчымі справамі я абсалютна задаволены. Вось тут, у тэчцы, артыкул, які выйдзе ў часопісе «Роднае слова», — «Шчымлівая споведзь збалелай душы. Паэтычны эпас Сргея Законнікава». У гэтым артыкуле ацэньваюцца мае паэмы і гэта для мяне важна. Піша кандыдат філалагічных навук Наталля Заяц. Мне спадабалася, што яна як спецыяліст разглядае мае паэмы ў самым цесным яднанні з нашай гісторыяй, з нашым народам. Я ёй вельмі ўдзячны, што яна адзначыла, што мая творчасць дапамагае нацыястварэнню, пра што мы з табой гаварылі.

Што тычыцца жыццёвага боку, я таксама вельмі шчаслівы чалавек. Я быў шчаслівы, калі нарадзілася мая першая дачка, потым другая дачка. Я быў шчаслівы, калі мяне сустракалі людзі ва Украіне, у Польшчы з маімі вершамі і перакладамі на іхныя мовы. З акцёрамі я выступаў у тэатрах па ўсім свеце. У многіх краінах я гэта рабіў, зарабляючы грошы для нашых хворых чарнобыльскіх дзетак — на медыцынскае абсталяванне, лекі, вітаміны. І тады я таксама быў шчаслівы.

Фотаздымкі Уладзіміра Крука, з архіва Сяргея Законнікава

«Янки голос соловьиный…»

Міхась СКОБЛА

Падымаеш галаву ў маскоўскім метро, і проста над табой — даваенны герб БССР. Такое адчуванне, што ён табе на макаўку зваліцца. Спрабуеш інстынктыўна ўхіліцца, але вірлівы натоўп падхоплівае цябе і, не даўшы апамятацца, нясе да эскалатара. А ў таксоўцы ездзіць па Маскве — трэба мець вялікае цярпенне і яшчэ больш часу. Як на добры розум, масквічам варта пратэставаць не толькі супраць трэцяга-чацвёртага тэрміна Пуціна ці развязанай ім вайны ва Украіне, але і супраць аўтазатораў, бо свабоду кожнай асобна ўзятай асобы на маскоўскіх вуліцах абмяжоўваюць найперш яны. «Заплутаным і невыразным горадам» назваў перадрэвалюцыйную Маскву Янка Купала. І гэта ў той час, калі па ёй ездзілі толькі рамізнікі ды рэдкія аўто, а самым хуткім сродкам транспартных зносінаў лічыўся самакат. Што б сказаў Купала пра сённяшнюю Маскву?

Зрэшты, на Кутузаўскім праспекце, дзе сённяшняя Масква дала прапіску Купалу, затораў практычна не бывае. Пешаходныя пераходы схаваныя пад зямлю, святлафораў таксама не відно, і шматпалосная аўтастрада ў сваім імкненні вырвацца за акружную дарогу нагадвае ўзлётную паласу ў кірунку Беларусі. Настаяўшыся на скрыжаваннях у цэнтры горада, легкавікі тут ідуць пад сотню, не асцерагаючыся гібэдэдэшнікаў.

Купала стаіць у акуратным скверыку на невысокім пастаменце, апершыся на поручні. «Мо нізка поручні былі / у тым гатэлі?» — адразу ўспамінаюцца радкі Сержука Сокалава-Воюша. Няма ўжо таго маскоўскага гатэля, у якім паэт загінуў 28 чэрвеня 1942 года. Мясцовыя беларусы спрабавалі адшукаць архіўную справу аб ягонай загадкавай гібелі. Справа знішчаная — такі быў афіцыйны адказ. І тут адразу напрошваецца пытанне: калі тую справу спачатку засакрэцілі, а потым знішчылі (у што верыцца слаба), то, значыцца, расійскія спецслужбы не хацелі выдаваць нейкай інфармацыі адносна смерці Купалы?

Відаць, у той справе былі адпаведныя інструкцыі, імёны агентаў ды іх данясенні? Відаць, былі нейкія рэзалюцыі на спецпаведамленні, адпраўленыя ў тыя трагічныя дні на імя Сталіна і Берыі, дзе, дарэчы, Купала тройчы названы чужым прозвішчам — Луцкевіч. Маўчаць маскоўскія архівы, маўчыць бронзавы Купала на Кутузаўскім праспекце, маўчыць за яго спінай новамаскоўскі халодны краявід са шклянымі хмарачосамі.

Калі помнік у 2006 годзе ўсталёўвалі, неяк падышлі да яго маскоўскі пісьменнік і маскоўскі беларус, які ўсё жыццё рупіўся пра ўшанаванне памяці песняра ў Маскве. Пісьменнік іранічна пасміхнуўся і, кіўнушы на манумент, спытаўся: «А не великоват ли? Ведь, поди, вровень с Пушкиным будет…»

У гэтым пытанні — праўдзівае стаўленне расійцаў і да Янкі Купалы, і да незалежнай Беларусі. Маўляў, не павінен «малодшы брат» зраўняцца са «старэйшым» нават вышынёй помнікаў сваім галоўным паэтам. І тут справа не ў маштабах літаратурных талентаў, а ў нечым яшчэ больш істотным, што мелі на ўвазе тыя самыя расійцы ў сціслай формуле: «Пушкін — наша ўсё».

Мне прыгадваецца гісторыя, пачутая калісьці ад Янкі Брыля. Падчас нейкага літаратурнага свята ён жыў у адным гатэльным нумары з пісьменнікам-таджыкам.

Вярнуўшыся вечарам з банкета, яны працягвалі гаворку пра дружбу народаў — дружбу літаратур. І тут таджык пытаецца: «За што вы так узвышаеце свайго Купалу? Чытаў я яго ў расійскіх перакладах — нічога асаблівага». Брыль пачаў казаць, што поўны Купала да гэтай пары не перакладзены, пачаў наракаць на перакладчыкаў-халтуршчыкаў. А потым вырашыў ураўнаважыць спрэчку і заўважыў, што і веліч Фірдаусі значна перабольшаная. Пачуўшы такое, таджык ледзь не кінуўся на беларуса з кулакамі. А можа, і кінуўся б, каб не двухметровы брылёўскі рост і выбучка былога марпеха. Але пра тое, што Фірдаусі — самы геніяльны паэт усіх часоў і народаў, пачуў у той вечар увесь гатэль…

Помнік Янку Купалу ў Маскве ўсталяваны гадоў дзесяць таму, але да гэтай пары афіцыйна не адкрыты. Чаму? Невядома.

Беларуская амбасада раіць маскоўскім беларусам забыцца на гэты факт. Для яе гэтае пытанне закрытае. Але як можна, даруйце за каламбур, закрыць неадкрытага Купалу? Тым больш памятаючы, якія палымяныя прамовы гучалі і колькі шампанскага вылілася ў Свіслач на адкрыцці помніка Пушкіну ў Мінску.

Штодня па Кутузаўскім праспекце праносіцца прэзідэнцкі картэж. Праехаць міма і не заўважыць Купалу немагчыма — хвала за гэта маскоўскім архітэктарам. А заўважаючы, пра што думае ВДЛ (высшее должностное лицо — са слоўніка гібэдэдэшнікаў) Расіі? На ягоны запытальны погляд памочнік мог бы працытаваць радкі Дзям'яна Беднага: «Янки голос соловьиный / превратился в шип змеиный». «А за што гэты Янка ўдастоіўся такой джалячай эпіграмы ад крамлёўскага сатырыка?» — магло б пацікавіцца ВДЛ, азірнуўшыся на ўсталяваны пры «страціўшым давер» мэры Лужкову помнік. І памочнік, клацнуўшы накрыўкай свайго айпэда-ўсязнайкі, мог бы прачытаць верш пра расійскага чынадрала:

Он снит былую мощь и ширь:
Цари, царицы, царский трон,
Погромы, каторги, Сибирь…
О Русь! Прими раба поклон!
Разбитых не сорвёшь оков
И ты, Москвы отребье, знай:
Былых не воскресишь веков,
С какой брехнёй не вылезай…

У Маскве не адкрыты не толькі Купала-помнік. У Маскве не адкрыты і Купала-паэт. Перакладзены ён на расійскую мову (за нешматлікімі выняткамі) дрэнна. Каб не быць галаслоўным, прывяду некалькі яскравых прыкладаў неадэкватнагаператлумачэння ягоных твораў.

У Купалы: «*Там за вёскай у полі / тры стаялі таполі*». У перакладзе Эдуарда Багрыцкага атрымалася: «*За околицей в грозы (?) / три стояли берёзы*».

У Купалы: «*Чаго вам хочацца, панове, / які вас выклікаў прымус…*». Перакладчык С. Спаскі сёе-тое падправіў: «*Чего вам, господа, угодно? / Что растревожило ваш вкус?*». Пагадзіцеся: прымус і вкус — зусім не сінонімы.

У Купалы: «*Як вецер, свабодны мой дух, / хоць рукі закуты ў ланцуг*». У перакладчыка Р. Куранёва выйшла стылёва нязграбнае: «*Как ветер, свободен мой дух, / хоть горя таскаю за двух*».

Купала піша: «*Годзе заходняй і ўсходняй культуры*». Выхадзец з Магілёўшчыны масквіч Іван Бурсаў перакладае: «*Хватит свои прививать нам культуры*».

А вось як гучыць па-расійску вядомы купалаўскі верш «…О так! Я — пралетар!»: «*Я — пролетарий… Это я — / покорный раб, вчерашний нищий, / низвергнув бога и царя, / всем на земле владею нынче*». Але Купала ў арыгінальным тэксце не зрынае Бога. Навошта той жа Куранёў зрабіў атэістам беларускага паэта, які, да слова, вянчаўся ў маскоўскім Петрапаўлаўскім касцёле?

Купала пачынае верш «Царскія дары» так: «*Цар грозны, маскоўскі, вясёлы…*» Той жа Бурсаў па-зямляцку самаўпэўнена падпраўляе песняра: «*Хмельной от побед царь московский…*»

Часам перакладчыкі (ці рэдактары) папросту скарачалі купалаўскія вершы. Гэтак, з вершаў «Прыстаў я жыць» і «Паўстань» выкінута па дзве страфы, у тым ліку знакамітыя фінальныя радкі: «*Паўстань з народу нашага, Ўладар, / і адбудуй свой збураны пасад*». Думаецца, скароты гэтыя насілі яўна невыпадковы характар. І добра, што падобная перакладчыцкая дзейнасць яскрава паказаная ва ўкладзенай доктарам Аляксеем Каўкам кнізе Янкі Купалы «Молодая Беларусь», што дзіўным чынам пабачыла свет у 2008 годзе ў маскоўскім выдавецтве «Московский писатель».

Купала застаецца неадкрытым у тых шматлікіх перакладных кнігах, што выходзілі ў розныя часы ў Маскве і Ленінградзе. Купала застаецца закрытым у архівах ФСБ. Помнік на нелегальным становішчы… І тут асабліва не паўстанеш, як тыя Прарок, Ваяк і Уладар у аднайменным вершы…

Адкуль жа такія дзіўныя, калі не сказаць непрыяцельскія, адносіны да беларускага класіка? Няўжо ізноў «Янки голос соловьиный превратился в шип змеиный»? Дарэчы, верш гэты напісаны ў Крамлі, дзе жыў Дзям'ян Бедны ў раскошнай кватэры.

Media Weekend у Гародні

Занятыя рознымі медыяпраектамі, супрацоўнікі беларускіх СМІ неапраўдана рэдка адрываюцца ад сваіх лаптопаў ды планшэтаў, каб прааналізаваць уласныя магчымасці і перспектывы на фоне беларускай медыяпрасторы. Аднак напрыканцы верасня паўсотні беларускіх журналістаў, блогераў, рэдактараў і медыяэкспертаў сабраліся ў Гародні. Важнай адметнасцю гэтага форума былі не толькі новыя знаёмствы, але і магчымасць падзяліцца досведам — як дабіцца поспеху і здабываць свой «хлеб надзённы».

Гародня ўпершыню стала знакавай дыскусійнай пляцоўкай, бо на гэты раз тут сабраліся прадстаўнікі СМІ з самых розных куткоў краіны. «Хтосьці займаецца больш кантэнтам, хтосьці рэкламай, хтосьці кіруе дзейнасцю рэдакцыі. Нехта працуе ў Мінску, нехта ў рэгіёнах і робіць добрыя медыяпраекты. Ідэя была такой, што тут прагучыць шмат розных развагаў адносна таго, што чакае нашы медыя ў будучыні, на чым трэба факусавацца зараз, якія выклікі нас чакаюць, хто і якія мае добрыя практыкі. І, мне здаецца, з гэтага пункту гледжання медыя-кэмп трэба прызнаць паспяховым», — лічыць арганізатар журналісцкага форума, старшыня праўлення грамадскага аб'яднання «Цэнтр інфармацыйнай падтрымкі грамадскіх ініцыятыў "Трэці Сектар"» **Вітаўт Руднік**.

Сапраўды, два дні інтэнсіўных майстар-класаў, дыскусій, прэзентацый і выступаў дазволілі ўдзельнікам гэтай сустрэчы паглыбіць свае веды па шэрагу актуальных пытанняў. Напрыклад, як паспяхова весці і прасоўваць свой інфапраект у сучасных умовах ці як рэагаваць на некантраляваныя змены ў інтэрнэт-прасторы.

Хітрыкі сацыяльных сетак

Займальнымі фактамі і заўвагамі адносна працы ў сацыяльных сетках падзяліўся журналіст і медыяэксперт **Паўлюк Быкоўскі**.

Паводле апошніх даследаванняў, найбольш паспяховая мадэль публікацыі ў сацсетках на сённяшні дзень выглядае наступным чынам.

Кароткі уступ ад 40 да 140 знакаў. Пасля чаго ідзе зацемнены фотаздымак, на якім змешчаны анонс, пытанне або надпіс. Затым дадаецца загаловак артыкула, які не паўтарае, а працягвае думку, што пазначана ў надпісе на фота. «Атрымоўваецца, што мы працуем зусім незвычайным чынам. У нас ёсць артыкул з загалоўкам. Мы шукаем да яго ілюстрацыю для фэйсбука, якую наўмысна "псуем", зацямняем. На ілюстрацыі пішам яшчэ адзін тэкст, які паўтарае гэты загаловак, да якога пішам падводку. Акрамя таго, трэба напісаць кароткую агульную падводку да ўсяга гэтага. На сённяшні дзень гэта самы паспяховы метад», — заўважае эксперт.

Як прыцягнуць увагу публікі ў сацсетках і не згубіць аўдыторыю? Падчас сваёй прэзентацыі Паўлюк Быкоўскі падказаў яшчэ некалькі прыёмаў.

Трэба пазначыць на фотаздымку знакавую асобу. Напрыклад, такую як Мікалай Статкевіч, і яго шматлікія сябры ўбачаць гэтае фота. Таксама карысна рабіць *«брацкія магілы» з фотаздымкаў*, бо групавыя фота людзі заўсёды лайкаюць ахвотна. Падлічыўшы колькасць знакаў і словаў, вельмі важна пабудаваць пост такім чынам, каб на апошнім сказе, які высвечваецца ў стужцы, тэкст хацелася разгарнуць і чытаць далей.

Асобную ўвагу заслугоўваюць так званыя *коцікі*, якіх можна смела выкарыстоўваць, каб зняць напружанне ў ланцугу навін альбо калі няма чым запоўніць кантэнт. Даказана, што «коцікі» выклікаюць найбольш пазітыўную рэакцыю сярод іншых «мімімішных» жывёл. Акрамя таго, цалкам магчыма даваць новае жыццё старым матэрыялам, ствараючы *падборкі*, якія людзі любяць чытаць, бо баяцца прапусціць нешта важнае. *Правакацыйныя пытанні і «хатніх» троляў* можна выкарыстоўваць для «разгойдвання» аўдыторыі. З дапамогай спрэчак можна падтрымліваць яе актыўнасць амаль бясконца. Спосаб не зусім этычны, але, як зазначыў эксперт, прысутнічае. Пры гэтым трэба быць асцярожным з так званымі чужымі тролямі, то бок людзьмі, якія пішуць радыкальныя і адмоўныя выказванні і актыўна з усімі сварацца. Тут схавана небяспека патрапіць на правакацыю альбо дыскрэдытацыю. «Хатняга» троля душыць не трэба, але варта сачыць, каб ён не зайшоў занадта далёка.

Яшчэ адзін з падыходаў: *што чытаць за ланчам*. Многія людзі пачынаюць актыўна карыстацца навінамі падчас абеда. Хтосьці стаіць у чарзе ў сталовай, хтосьці прыбег дадому і чакае, пакуль жонка падагрэе ежу. Паступова чалавек прывыкае, што абед для яго — час навінаў. Але часу гэтага вельмі мала, таму падборкі, якія можна прачытаць за абедам, мусяць быць цікавымі і карыснымі. Таксама важна памятаць, што зараз алгарытм у сацыяльных сетках робяць такім чынам, каб людзі не пакідалі іх і нікуды не пераходзілі. Таму, каб пераадрэсаваць публіку на сайт і пры гэтым не страціць аўдыторыю ў сетцы, неабходна спалучаць два падыходы.

Публікаваць тэксты са спасылкай і таксама рабіць асобныя посты, якія людзі будуць проста лайкаць. Частка публікацый мусіць быць падрыхтавана выключна для чытання ў сацсетках.

«Калі мы працуем з сацыяльнымі сеткамі, трэба ўяўляць сабе, як гэта будуць бачыць карыстальнікі. Бо на розных прыстасаваннях розныя стандарты. Мы пішам тэкст, каб укласці сваю думку. Але яго могуць не прачытаць. Калі ты пішаш для вялікай аўдыторыі, ніхто не абавязаны гэта чытаць. Але зусім іншая справа, калі ты пішаш сябру», — дадае Паўлюк Быкоўскі.

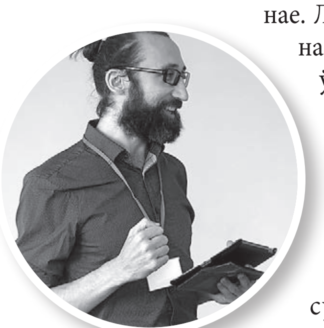
Парады ад 34mag.net

Як сябраваць з чытачамі, расказаў рэдактар часопіса *34mag.net* **Антон Кашлікаў**. «Сябраваць з чытачамі трэба не толькі з-за таго, што яны купляюць вашу газету альбо наведваюць ваш сайт. Вельмі важна, каб была зваротная сувязь! Аўдыторыя — гэта сацыяльная сетка, не ў сэнсе фэйсбука, а ў сэнсе «сарафаннага радыё». Лепшы спосаб прасоўваць вашы ідэі — калі гэта робяць самі чытачы. Чытачы — твае сябры, бо яны адстойваюць і падтрымліваюць задуманае табой. Журналісцкая праца — гэта не толькі ваш сайт, але і ўсё тое, што вы робіце вакол вашага брэнда. Ваша задача — працаваць над тым, каб ваш брэнд станавіўся як мага больш распазнавальным. Каб вашы чытачы асацыявалі сябе з вашым выданнем. Размаўляйце з імі ў рэжыме оффлайн, на тусоўках: якія ў вас праблемы, што чытаеце, чаму нас не чытаеце? Людзям заўсёды падабаецца расказваць пра сябе. Пасля такіх размоў нарадзілася вельмі шмат ідэй, якія мы ўвасобілі ў розных праектах. Будзьце адкрытымі!» — раіць малады рэдактар. Акрамя таго Антон Кашлікаў адзначыў, як важна сёння шукаць і выкарыстоўваць новыя формы і каналы камунікацыі. Зусім нядаўна 34mag.net запусціў сістэму *push*-паведамленняў, што адразу прынесла плён — больш за 20 тысяч новых падпісчыкаў. «Людзі заўсёды рэагуюць на новыя гісторыі, новыя фарматы. Падглядзелі на літоўскім сайце рэпартаж з канцэрта, які цалкам быў створаны з гіфак. Праўда, сайт гэта занадта грузіць, але тым не менш справаздача пра падзею атрымалася вельмі жывой. Хочам паспрабаваць рабіць аўдыёдакументалкі. Увесь час нешта новае спрабуем. У фестывалях удзельнічаем. Выпускаем налепкі, торбачкі, цішоткі з цікавымі надпісамі. Выходзілі на нуль, але заўсёды нешта адбывалася». Сам Антон лічыць, што ніякага асаблівага сакрэту поспеху няма, таму што кожны ў выніку праходзіць свой шлях. «Мая парада: адкрываць нешта сваё, няхай маленькае, але сваё. Нядаўна пазнаёміўся з дзвюма блогеркамі з Польшчы і Латвіі, якія гэтым зарабляюць. Маюць па 50 тысяч назіральнікаў у інстаграме ці ў фэйсбуку. Ім па 22 гады і яны гэтым зарабляюць. Знайшлі сваю аўдыторыю. А брэнды любяць вялікую аўдыторыю і дапамагаюць дзяўчатам зарабіць. У Беларусі такіх прыкладаў вельмі мала, і я б раіў, калі ў вас няма магчымасцяў знайсці інвестыцыі, але ёсць жаданне нешта рабіць, пачынайце за свой кошт. Шукайце шляхі аб'яднання з іншымі людзьмі. Калі вы не ўмееце рабіць здымкі, але ўмееце пісаць, ёсць фатографы, з якімі можна пасябраваць. Вельмі шмат можна рабіць на валанцёрскіх пачатках і на звышвысілках. Хутчэй за ўсё, пачатак будзе менавіта такім, калі вы толькі пачынаеце свой праект. Але калі вы пэўны час пратрымаецеся, з вашага праекта можа выйсці нешта сапраўды вартаснае. Карацей, я — за тое, каб пачынаць рабіць свае ўласныя праекты, кааперавацца і прыдумляць».

Дзе знайсці грошы на медыяпраект?

Крэатыўны дырэктар *Talaka.by* **Іван Вядзенін** назваў некалькі спосабаў, як сабраць грошы на медыяпраект праз краўндфандынг. Праект збору грошай «талакой» на сённяшні дзень у Беларусі далёка не новы, аднак яго назву многія з цяжкасцю вымаўляюць і дагэтуль. Таму «талакоўцы прыдумалі сваю моўную версію краўндфандыга, прасцей — "талакошт"». З 2012 года «Талака»

дапамагае рэалізоўваць ідэі ў галіне культуры, экалогіі, навукі, адукацыі ды інш. Кожны чалавек, які вырашыў зрабіць нешта карыснае або цікавае, можа выкласці свой праект на сайце і атрымаць дапамогу ў яго рэалізацыі. «Калі вы маеце толькі ідэю, то шлях да таго, як атрымаць на гэтую ідэю грошы або зарабіць на гэтай ідэі, велізарны. Каб дасягнуць поспеху, трэба ўвесь час інтэнсіўна працаваць», — тлумачыць з уласнага досведу “Талакі” Іван Вядзенін. — Трэба пачынаць рабіць першыя крокі, якія дапамогуць рэалізаваць задуманае. Любы план лепшы за яго адсутнасць. Калі ёсць ідэя і план, то вы ўжо можаце сабраць каманду. Калі будзе каманда, то будзе ацэнка. План будзе дапрацаваны. Далей рух з камандай: вы пачынаеце рабіць рэальныя крокі згодна з планам. Навокал будзе фарміравацца супольнасць. Гэта людзі, якія падзяляюць вашу ідэю, і яны гатовыя з вамі ўзаемадзейнічаць і дапамагаць. Хтосьці парадай, хтосьці рэсурсамі. Яны нібыта знаходзяцца ў вашый зоне уплыву. Пры гэтым выбудоўваецца стратэгія. Адлегласць да грошай становіцца мінімальнай. Надыходзіць час, калі вы гатовыя атрымаць грошы на ваш праект».



На сённяшні дзень платформа Talaka.by практыкуе розныя тэхналогіі, як рабіць праекты з нуля. Пры гэтым часта без фінансавай падтрымкі. «Большасць нашых праектаў увогуле рэалізавалася без грошай», — прызнаецца Іван Вядзенін. У якасці паспяховага прыклада рэалізацыі талакошта можна прывесці збор сродкаў на няню для маленькіх дзяцей, пакінутых бацькамі, ў гарадзенскім шпіталі. Талакоўцам ўдалося сабраць грошы не на адну няню, а на сем (!), пасля таго як да акцыі далучыліся мецэнат і нейкая кампанія, якія засталіся ананімнымі. «Думаю, што мы маем вельмі добрыя перспектывы развіцця, улічваючы агульную тэндэнцыю. Калі параўнаць, колькі грошай мы сабралі за 9 месяцаў летась і за 9 месяцаў сёлета, то сума падвоілася. Калі ў краўдфандынг пойдуць усе, уключаючы бізнес, то наша грамадства стане больш сацыяльна арыентаваным. Немагчыма правесці паспяховую кампанію, калі ты не арыентуешся на патрэбы грамадства. Як толькі бізнес, дзяржава, НДА развярочваюцца да яго патрэбаў, тады само грамадства пачынае ўплываць на рашэнні, якія прымае бізнес, дзяржава і так далей. Гэта прамая сувязь з людзьмі, якая дае свой плён».

Лагічным завяршэннем гэтай публікацыі будзе фрагмент выступлення заснавальніка гомельскага партала «Моцныя навіны» **Пятра Кузняцова**, які тэзісна акрэсліў задачы развіцця і станаўлення медыярынка на бліжэйшы час.

«Трэба кожны дзень не забываць пра тое, што будзе праз тры-пяць і нават дзесяць гадоў. Трэба адчуваць рытм пераменаў у свеце. Наступіла лічбавая, інфармацыйная, постіндустрыяльная эпоха. Перамены адбываюцца так хутка, што нават адукацыйныя праграмы за імі не паспяваюць. І дзеля таго, каб дасягнуць сапраўднага поспеху, трэба імкнуцца гэтыя змены прадбачыць. Пару гадоў таму мы зрабілі стаўку на развіццё і ўдасканаленне падачы нашага інфармацыйнага матэрыяла ў сацыяльных сетках, дзе зараз маем 51% трафіка. Я ўпэўнены амаль на 100%, што ў бліжэйшай будучыні, праз год ці праз два, гэта прынясе яшчэ большы вынік. Мы згулялі на апераджэнне. Тая аўдыторыя, якой зараз 15 гадоў, падрастае. Хутка ёй будзе 18. Вядома, што ў сацсетках «жыве» у асноўным моладзь, і гэтая аўдыторыя ўжо наша. Аднак нам трэба вельмі пастарацца, каб яе не згубіць. Трэба крыху глядзець наперад і імкнуцца ўжо зараз зрабіць падмурак для таго, што зможа спрацаваць заўтра. Развіваць фота, відэа, знаходзіць шматплатформнасць і шматфункцыянальнасць. Цалкам зразумела, што гэтыя накірункі будуць толькі прагрэсаваць і будуць усё больш і больш даступныя. Чытачы, карыстальнікі будуць усё болей іх спажываць і такім чынам пашыраць іх надалей.

На той стадыі, дзе мы зараз знаходзімся, калі ў рэгіёнах з’яўляюцца розныя медыяпраекты, вельмі важна збірацца на адной пляцоўцы. Кожнаму ёсць што сказаць, кожны можа паказаць, на якой ступені ён знаходзіцца, чым карыстаецца і як працуе. І тады нашы калегі-пачаткоўцы, якія распрацавалі зусім “маладыя” праекты, змогуць атрымаць карысную інфармацыю і досвед. А больш сталыя змогуць убачыць медыякарціну Беларусі цалкам, зразумець, на якой стадыі знаходзіцца гэты рынак і якія яго перспектывы».

Падрыхтавала
Кася БЕРГЕЛЬ

Гибель легенды музыки

Алан ВЕЙСС

Алан Вейсс — обладатель восьми премий «Эмми» в номинации «Новостная журналистика». Первый из своих журналистских «Оскаров» автор получил за репортаж о гибели Джона Леннона.

Репортаж велся из отделения скорой помощи больницы Св. Луки, куда Алан был доставлен после дорожной аварии. Волею судьбы в ту же палату привезли смертельно раненого Джона Леннона.

Впоследствии об этом был снят фильм «The Lennon Report».

Одним из моих самых больших сожалений было то, что никогда не получалось увидеть «Битлз» на концерте. Тем более парадоксально, что теперь я оказался в самом необычном переднем ряду, какой только можно себе представить. Джон Леннон находился так близко, что можно было протянуть руку и дотронуться до него.

Как и на многих людей моего поколения, творчество Леннона оказало на меня влияние, вдохновляя жизнь музыкой и лирикой.

Теперь я смотрел, как истекает жизнь вдохновителя целого поколения.

Это произошло 8 декабря 1980 года. Леннон был застрелен Марком Дэвидом Чепманом в Манхэттене, у здания, в котором находилась квартира Леннона.

Всего за несколько минут до этого в мой мотоцикл врезалось нью-йоркское такси. Я был доставлен в больницу с подозрением на перелом бедра. Леннона доставили туда же с более серьезным диагнозом: несколько огнестрельных ранений груди.

Я прибыл первым и, пройдя предварительное рентгеновское обследование, лежал на каталке в коридоре. В это время медицинский персонал поспешил

к Леннону. Четверо полицейских рысью несли его на носилках. Они положили Леннона в комнате рядом со мной. Конечно, я не знал, что это был Леннон.

Я был слишком занят собственными болями. Пытаясь контролировать пульсацию в голову и бедра, я закрыл глаза после того, как врачи оставили меня, чтобы принять нового и более нуждающегося в помощи пациента.

Мой притихший мир рухнул, когда я услышал разговор двух оставшихся в палате полицейских:

— Иисус, ты можешь в это поверить? — один полицейский пробормотал другому. — Джон Леннон!

Ошеломленный, я выпалил:

— Сэр, что вы сказали?

Они посмотрели вниз, как будто вдруг заметив меня. Очевидно, им не понравилось то, что они увидели. Покрытый грязью в результате столкновения с такси, которое протащило меня по асфальту целый квартал, я не был похож на респектабельного журналиста. Возможно, если бы я был меньше похож на подражателя оборванному ангелу ада, а больше на пресс-производителя для ТВ, полицейский вежливо бы ответил на мой вопрос.

Но: «Я ничего не сказал», — крякнул он, и оба полицейских отошли.

Джон Леннон? Выстрел? Знаменитый Леннон славился тем, что ходил по улицам Верхнего Вест-Сайда без сопровождения фаланги телохранителей.

Нет, не может быть.

Я сильно ударился головой во время аварии. Очевидно, намного сильнее, чем я полагал. Полицейский, вероятно, вел речь о каком-то местном драгдилере по имени Джон Линден, или Лимон, или Леон. Не Леннон.

Я сел на край моей каталки и посмотрел вниз через открытую дверь. Тело Леннона растянулось поперек кровати. Голый и окровавленный, в окружении медицинского персонала, большая, чем жизнь, легенда, которая была Джон Леннон, смотрелся жалобно и хрупко.

— Давай, Иоан… — журналист и агностик, каковым я был, я не мог не молиться. — Ты можешь сделать это. Ты можешь вытянуть!

По сей день не знаю, молился я за него или для себя, боясь все потерять.

Я достиг совершеннолетия с «Битлз» — больше, чем просто одаренными музыкантами. Они были силой, что удерживала от погружения в хаос подростковый мир, раздираемый протестами в психоделическом поиске шестидесятых. Эпицентром этого гравитационного притяжения была потребность любить Леннона. Мой личный гуру для обряда вхождения во взрослую жизнь!

Тем временем, как я смотрел и молился, Нил по цепи продвигал на ABC известие, что продюсер 6 O'clock, очевидец, передал из больницы, что в Джона Леннона стреляли.

В ту ночь на воскресенье в прямом эфире был футбол. ABC не собирался ждать, пока напишут текст сообщения, чтобы прочесть в перерыве. Они позвонили ведущему спортивных новостей Говарду Соселлу. И, прервав футбольных комментаторов, Соселл сломал новости в мире.

Новости распространяются быстро. Плохие новости распространяются быстрее. Мировые новости отошли на второй план.

Но на меня надвигался мускулистый отряд сотрудников службы безопасности. Охранники сходились в отделение скорой помощи. Кто-то указал на меня, и в следующие мгновения я был увезен из чувствительно нервной обстановки медицинского центра в палату.

В Джона Леннона стреляли. Вполне возможно, он мертв. В больнице зазвучала музыка «All My Loving». Песня едва закончилась раньше крика Йоко Оно: «Нет! Нет! О, нет!»

Невольно служба безопасности поставила мою каталку именно там, где не хотели бы, чтобы находился журналист. Йоко Оно вывели мимо моей палаты через заднюю часть отделения скорой помощи в сопровождении друга семьи.

Вскоре после этого мой врач вернулась.

— Хорошо. Давайте взглянем на бедро.

Как будто она только что убедилась, что на окровавленном теле битла не работает сломанная рука!

— Он мертв? — спросил я.

— Через полчаса будет пресс-конференция. Затем пресса получит уведомления.

— Доктор, вы не можете так поступить со мной! — я умолял. — С Джоном Ленноном все будет в порядке?

Конечно, я уже знал ответ. Но, будучи журналистом, я должен был иметь подтверждение. Потребовались некоторые усилия, но я все-таки выпросил у нее «входную плату».

Когда она ушла, чтобы проверить мои рентгеновские снимки, я снова набрал телефон новостей: Джон Леннон, признанный движущей силой самого влиятельного музыкального коллектива нашего времени, был мертв.

После этого все остальное помнится размытым. Рентген показал бедро в прекрасном состоянии. Просто была контузия. Выйдя, я оставил относительную тишину больницы… И вошел в водоворот журналистики, экипажей и камер.

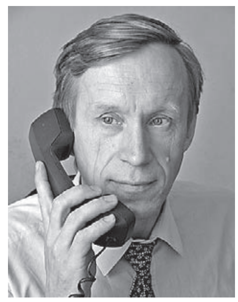
Хотя врач приказал мне оставаться дома до конца недели, я был слишком вовлечен лично и профессионально, чтобы не пойти в отдел новостей на следующий день. Я должен был воспроизвести события того вечера и обеспечить всеобъемлющий охват съемки.

В то же время я мог залить свое горе, создавая не информационную программу, но отдавая дань великому человеку.

(Перевод с английского)

Тихие герои: уроженцы Беларуси на полях сражений Второй мировой

Странно и порой причудливо складывались судьбы участников борьбы с гитлеризмом. Пережив страшные испытания войны, они в последующие мирные годы жили обычной жизнью, славы не искали. Но она их сама находила…



Николай АЛЕКСАНДРОВ,
«Брестский курьер»

Награда из рук наследника короны

Ядвига Кухно, родившаяся в Брест-Литовске 13 января 1911 года, в раннем детстве покинула с семьей родной город, который накрыла пожарами Первая мировая война. Миновали лихие годы, и она вернулась в Брест, уже вошедший по Рижскому договору в состав Польши.

К сожалению, имеющиеся у нас сведения о Ядвиге Кухно межвоенного периода скудны. Известно лишь, что до 1939 года, до прихода Советов, она работала в Бресте-над-Бугом в ресторане «Morskie Oko». А после по абсурдному обвинению в «насмешке над гражданами СССР» (подавала второе блюдо не в плоских тарелках, а в глубоких) была осуждена и отправлена в лагерь на берегу реки Шексны (левый приток Волги), где работала на лесоповале.

В 1941-м она была освобождена в связи с формированием армии Андерса, где стала санитаркой военного госпиталя Войска Польского. Вместе с боевыми частями прошла дорогами Италии, участвовала в знаменитой битве под Монте-Кассино. На ее счету немало спасенных жизней.

После войны Ядвига Кухно некоторое время жила в Англии, а с 1947 года в Польше — в Гданьске, затем в Демблине, с дочерью Иреной. По специальности санитарки не нашла работы, трудилась в сфере торговли и общественного питания. Будучи уже на пенсии, вступила в союз Борцов за Свободу и Демократию. Получила статус ветерана, хотя, как говорила, «второй категории».

Фото героев статьи предоставлены «Брестским курьером»

Только после 1989-го была достойно отмечена ее героическая служба в годы войны. Тогда, после освобождения Европы от фашизма, в путях-дорогах пропали ее награды, полученные во время боев на Западе. Спустя годы Ядвига Кухно написала письмо в посольство Великобритании с просьбой прислать ее награды, которые когда-то ей вручались. Ведь наградные документы сохранились в архивах. В ответ получила приглашение принять участие в торжествах на Вестерплатте — полуострове на польском берегу Балтийского моря близ Гданьска, где с 1 по 7 сентября 1939 года проходила героическая оборона. Тогда с визитом в Польше находился британский наследник престола — принц Чарльз. Из его рук Ядвига Кухно получила награды, которыми когда-то ее отметила Великобритания. Скончалась она в 2001 году в Демблине, там же и похоронена.

Он молчал о своем прошлом...

Рышард Коссобудский, родившийся в Бресте-над-Бугом 4 августа 1925 года в семье Константина и Анны, также прошел непростой путь военной судьбы. После начала Второй мировой войны он жил на территории Польши, где вступил в ряды Армии Крайовой, активно участвуя в сопротивлении нацизму. Он служил под псевдонимом Рысь, в звании капрала.

В 1944 году, сражаясь в рядах бойцов Варшавского восстания, Рышард получил серьезное ранение и после подавления восстания был пленен немцами. Поместили его в лагерь в Мюльберге (Эльбе), откуда он с группой других узников сумел совершить побег в апреле 1945-го. Несколько дней беглецы скрывались в лесу. В какой-то момент увидели, что американский самолет сбросил возле них небольшой пакет с плиткой шоколада, к которой присоединена была записка: «Привет, между вами и нашими частями уже нет немецких войск. (…) Вам надо пройти пятнадцать миль, и вы будете свободны». Так они оказались в зоне американской оккупации.

Из Германии Рышард отбыл в Италию, где присоединился ко II Польскому Корпусу под командованием генерала Андерса. По завершении военных действий на Апеннинах уехал в Англию и после демобилизации остался в Лондоне. Там он окончил Queen Mary College, получив специальность инженера. В 1956 году эмигрировал в США, где сменил имя — стал Ричардом Косби. Работал при проектировании и строительстве системы автомагистралей между штатами, в Северо-Восточной части США, а также при реконструкции известных зданий в Вашингтоне, в том числе Сената, Библиотеки Конгресса и Национальной галереи искусств.

Удивительно, но факт: в течение 35 лет после побега из плена он молчал о своем военном прошлом. Но однажды его разговорила дочь — известная американская тележурналистка Рита Косби, лауреат трех премий Эмми. Она и раньше замечала у отца шрамы на теле, но тот не спешил впускать ее в свое прошлое. Вот как она сама об этом рассказывает:

«Отец дал мне имя в честь девушки из Армии Крайовой, которая была для него как сестра, так что это было для меня как великое пробуждение: открыть для себя все эти повстанческие истории, узнать о мужестве моего отца и людей, с которыми он сражался бок о бок, и услышать о боли и страданиях, через которые прошел мой отец…»

Историю отца она описала в книге «Quiet Hero. Secrets from My Father's Past», изданную также на польском языке: «Cichy bohater. Tajemnice z przeszłości mojego ojca». Оба издания имели большой резонанс и в США, и в Польше.

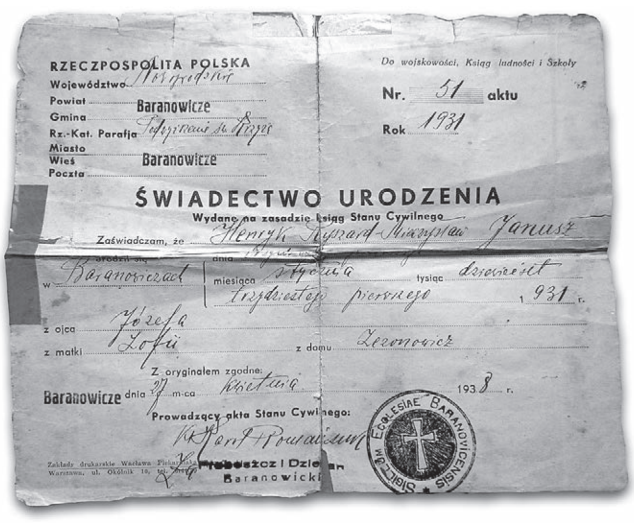
25 июня 2012 г. Ричард Косби — Рышард Коссобудский скончался в г. Александрия, штат Вирджиния, США.

Добра працуеш, вораг народа!

Сынам ворага народа яго, яшчэ падлетка, назвала настаўніца. За гэта ён узарваў школьную прыбіральню, кінуўшы туды гранату. У інстытут яго не прынялі таксама з прычыны «нядобранадзейнасці» бацькі. А вайсковы палітрук увогуле на ўсё жыццё пазбавіў яго хрышчонага імені — Хэнрык, упісаўшы ў ваенны білет расійскае «Геннадий».

Аляксей БЕЛЫ

Хэнрык Януш нарадзіўся ў Баранавічах у 1931 годзе. Яго бацьку прыслалі ў гэты горад з польскага Катовіцэ недзе ў канцы дваццатых. Тут Юзэф пазнаёміўся з мясцовай дзяўчынай, бацька якой паходзіў з вёскі Лясная, што недалёка ад Баранавіч, і ажаніўся. Цешча Юзэфа была чыстакроўнай немкай. Сям'я гэтая жыла нябедна, мелі сваю пякарню, дзе выраблялі хлеб для значнай колькасці жыхароў горада. Але ў 1914 годзе, калі пачалася вайна, паехалі ў бежанства ў Варонеж: маці Юзэфавай жонкі чамусьці вельмі баялася землякоў, лічыла іх гвалтаўнікамі. З ад'ездам дапамог сусед, які працаваў машыністам. У 1922 годзе яны нарэшце вярнуліся з савецкай Расіі ў Заходнюю Беларусь і шмат распавядалі, які ў той далёкай краіне холад, голад, як там здзекваюцца з людзей. У Стоўбцах выгнаннікаў сустракалі хлебам-соллю, а ў Баранавічах сям'я зноў аднавіла працу сваёй пякарні і забяспечвала печывам усё наваколле станцыі Баранавічы-Палескія, насупраць якой яны жылі.


RZECZPOSPOLITA POLSKA
Województwo Nowogródzkie
Powiat Baranowicze
Gmina
Rz.-Kat. Parafja
Miasto
Wieś Baranowicze
Poczta

Do wojskowości, Ksiąg ludności i Szkoły

Nr. 51 aktu
Rok 1931

ŚWIADECTWO URODZENIA
Wydane na zasadzie ksiąg Stanu Cywilnego
Zaświadczam, że Henryk Ryszard-Mieczysław Janusz
urodził się w Baranowiczach dnia miesiąca stycznia tysiąc dziewięćset trzydziestego pierwszego 1931 r.
z ojca Józefa
z matki Zofii z domu Zeronowicz
Z oryginałem zgodne:
Baranowicze dnia 27 m-ca kwietnia 1938 r.
Prowadzący akta Stanu Cywilnego:
Proboszcz i Dziekan Baranowicki
Sigillum Ecclesiae Baranovicensis
Zakłady drukarskie Wacława Piekarniaka Warszawa, ul. Okólnik 10

Пасведчанне аб нараджэнні Хэнрыка Януша

Бацька Хэнрыка, як было сказана вышэй, патрапіў у гэты горад недзе ў 1929-м. Быў ён вайскоўцам, але ў 1933-м перайшоў у вольнанаёмныя і працаваў у ваенным гарадку. У 1939-м, калі Хэнрыку было сем з паловай год і ён скончыў першы клас польскай школы, з Усходу прыйшлі вызваліцелі. Бацьку яго энкавэдзісты хапалі некалькі разоў, але заўсёды адпускалі: ён быў добрым спецыялістам, ведаў усе камунікацыі ў ваенным гарадку, а добрыя майстры былі патрэбныя і савецкай уладзе. Хэнрык пайшоў у другі клас рускай школы. Але ў сям'і гаварылі па-польску, як і большасць жыхароў тагачасных Баранавіч. Беларуская ж мова была пераважна мовай вёскі. Таму вучыцца хлопчыку было

вельмі цяжка. З яго смяяліся настаўнікі, упікаючы: «Глядзіце, якія “пшэкі” ў нас вучацца!» Самастойным і прадпрымальным людзям стала жыць няпроста. А вось камісары, як расказвае Хэнрык Януш, дазвалялі сабе ўсё. Прыйшлі аднойчы да іх у хату, убачылі выдатны дыван, папрасілі пазычыць на сваю гулянку, абяцалі вярнуць, але так і пакінулі сабе. Хоць бацька і быў добрым спецыялістам, сям'ю Янушаў усё ж уключылі ў спісы на высылку ў Сібір. Была прызначана і дата — 23 чэрвеня 1941 года. Але тут пачалася вайна. Прыйшлі немцы, бацьку забралі.

Усе ў наваколлі ведалі, што бацька Хэнрыка добра валодае нямецкай мовай, бо некалі сем гадоў правучыўся ў нямецкай школе. Гітлераўцам, якія засялілі ваенны гарадок, таксама патрэбны былі добрыя майстры. Таму вязня выпусцілі, і ён пачаў працаваць слесарам па энергетыцы. А ў 1944 годзе, калі прыйшла Чырвоная Армія, у рамонтна-пракатную базу пры чыгунцы пайшоў на працу і Хэнрык. Перад гэтым у школе і адбыўся інцыдэнт з настаўніцай, якая назвала яго сынам ворага народа. Зброі тады хапала ва ўсіх — толькі скончылася вайна. Хлапчук узяў гранату і кінуў яе ў школьную прыбіральню, якую разнесла ўшчэнт. У выніку яго на агульнай лінейцы выключылі з навучальнай установы. А ў час працы на базе палонныя немцы навучылі яго такарнай і фрэзернай справе, што потым вельмі спатрэбілася ў жыцці. Бацька працаваў і пры «другіх саветах» па той жа спецыяльнасці, слесарам. Але быў пад пільным наглядам НКУС. Недзе ў сорак шостым годзе у іх дом на пастой «прымацавалі» супрацоўніка НКУС па прозвішчы Сяльвестраў. Сям'я яго на той час была ў Маскве, а сам ён служыў у Баранавічах (будынак НКУС знаходзіўся якраз недалёка ад вуліцы Азёрнай, дзе жыла сям'я Янушаў). Аднойчы службовец залез на гарышча, а спусціўшыся адтуль, паведаміў гаспадарам, што пацёк дах. Супрацоўнік карных органаў, пэўна, і не падумаў, што гаспадары адразу возьмуцца за рамонт. Між тым, Хэнрык палез да коміна звонку, а яго брат — на гарышча. І там, у падстрэшшы, натрапіў на пісталет з патронамі, загорнуты ў газету. Калі брат паклікаў Хэнрыка і паказаў знаходку, той разабраў зброю і кінуў часткі пісталета ў глыбокую яму пад прыбіральняй. А назаўтра з ператрусам наляцелі энкавэдзісты. Быў з імі і Сяльвестраў. Адразу кінуліся на гарышча, але нічога там не знайшлі. «Кватарант» пачаў катаваць Хэнрыка, дапытвацца, дзе зброя. «Я табе мазгі дастану!» — вішчаў ён. Але хлопец ні ў чым не прызнаўся. Урэшце службоўцы з'ехалі. Недзе знік і больш не з'яўляўся ў іх хаце і Сяльвестраў.

Прыгадвае Хэнрык яшчэ адзін выпадак з таго часу. Спецслужбоўцы аднойчы прывязалі вяроўкаю да сабачай будкі, якая стаяла ля іх установы, святара і прымусілі яго гаўкаць.

У 1947-м бацьку Хэнрыка арыштавалі. Ужо потым родныя даведаліся ад яго, што следчы на допыце спытаў:

— Чаму засталіся працаваць пры немцах, чаму ў партызаны не ішлі?

— У мяне чацвёра дзяцей і жонка, я баяўся, — адказаў Юзэф.

— А ці добра пры немцах працавалася? — дабіваўся следчы.

— Вядома, добра, — не стаў маніць бацька.

— Вось за тое, што добра працаваў, маеш тры гады вольнага пасялення, — прагучаў прысуд.

Хэнрык Януш падчас заканчэння першага класа польскай школы

Асэнсоўваючы такія чалавечыя лёсы, міжволі прыходзіш да пэўных думак, высноў, вобразаў. Так напісаўся верш «Ад імя бацькоў».

Усё пачалося нядзельным світанкам:
Крыжы самалётныя нізка…
Шэсць дзён не прайшло, а нямецкія танкі
Ужо шыбавалі па Мінску.
На плечы куфайку, манаткі ў ахапку,
Ні сцен, ні цяпла, ні пасцелі…
Куды падзяваліся вашыя шапкі,
Якімі закідваць хацелі?
…Пры дзецях, нямоглых старых і пры працы
(няважна, якое хто нацыі)
Вы кінулі нас тут, каб потым спытацца:
«Дзе быў ты ў часы акупацыі?!»

Юзэф Януш падчас знаходжання ў высылцы ў Краснаярску

Юзэфа павезлі ў бок Магадана. Па словах вязня, везлі іх па 100 чалавек у «цялятніку». Не было нават дзе прылегчы, таму спалі па чарзе. Людзі паміралі як мухі. Нябожчыкаў проста выкідвалі з вагонаў. З іхняга вагона да месца прызначэння даехала толькі 7 чалавек. Юзэф, даехаўшы да Краснаярска, важыў усяго 40 кілаграмаў. Уратавалі людзі. Адна жанчына забрала да сябе. Ад'еўся, ачуняў, пачаў працаваць. Рамантаваў там машыны — «масквічы», грузавікі, замежныя маркі. У 1950-м вярнуўся дадому. Але прыйшлі міліцыянты, сказалі, што ў горадзе ворагу народа жыць нельга. Пачалося бадзянне па навакольных вёсках — месяц жыў у адной, месяц у іншай. Улады прапаноўвалі сям'і эміграваць у Польшчу. Але маці адмовілася. І бацька праз тры месяцы бадзяння вырашыў вярнуцца на месца высылкі, у Краснаярск, дзе завёў новую сям'ю. Хэнрык у той час быў прызваны ў войска і служыў на аэрадроме ў Смаленску. Там яго і «перахрысціў» палітрук, выпісаўшы вайсковы білет на імя Януша Генадзя і сказаўшы, што ніякія Хэнрыкі краіне не патрэбны, трэба насіць «нармальнае» расійскае імя. Як расказвае перайменаваны Генадзь Януш, такі жыццёвы выпадак быў не адзіны. Сусед яго, які зваўся Янэк, стаў Іванам. Другі сусед, Яцэк Кабыляк, стаў Іванам Арловым, Рычард стаў Грышам…

Дом, у якім сям'я Янушаў жыве і цяпер

Генадзь Іосіфавіч з жонкай Наталляй Уладзіміраўнай. 2016 г.

У 1956-м Генадзь паехаў да бацькі ў Краснаярск на заробкі. Папрацаваў там токарам тры гады. Бачыў, якім запатрабаваным спецыялістам быў яго бацька (той па-ранейшаму рамантаваў машыны). Яго ведаў увесь горад, людзі шанавалі за залатыя рукі. Калі Генадзь вярнуўся на радзіму, то вырашыў падацца ў інстытут на завочнае аддзяленне. У сталіцы Беларусі добра здаў экзамены, але… тут, ужо ў 1959 годзе, яму зноў нагадалі, што ён — сын ворага народа. У выніку юнак не прайшоў мандатную камісію. І ўсё ж жаданне вучыцца перамагло. Генадзь паехаў у Маскву, паступіў завочна ў палітэхнічны інстытут і паспяхова яго скончыў. Пасля працаваў галоўным механікам на «Баранавічыдрэў», дзе яго ведалі — раней ён быў там токарам. У горадзе пачалі будаваць камбінат жалезабетонных канструкцый, Янушу прапанавалі пасаду галоўнага канструктара, на якой і адпрацаваў 16 гадоў. Увесь гэты час яго настойліва клікалі ў партыйныя шэрагі, але ён заўсёды цвёрда адказваў: «Не!» У выніку давялося мяняць месца працы: беспартыйныя на высокіх пасадах не затрымліваліся. Пасля гэтага Генадзь Іосіфавіч дзесяць гадоў быў загадчыкам станочнай лабараторыі на заводзе аўтаматычных ліній, зрабіў шмат вынаходстваў, падаў сотні рацыяналізатарскіх прапаноў. З жонкай Наталляй Уладзіміраўнай, эканамістам па прафесіі, выгадавалі сына і дачку.

Як прызнаецца наш герой, яму асабліва няма за што любіць савецкую ўладу і тых, хто настальгуе па ёй сёння. Бо бацьку зрабілі ворагам народа, яго самога лічылі сынам ворага. Адзін з бацькавых братоў забіты ў Катынскім лесе, другі загінуў у Сібіры. Радня раскіданая па ўсім свеце — ад Польшчы да Аўстраліі. Лісты ад родзічаў раней ішлі і з Канады, і з Англіі, і са Злучаных Штатаў. Як-ніяк, у сям'і бацькі (маці Іосіфа Іосіфавіча была аўстрыйкай, бацька — палякам) было дзевяць дзяцей — восем сыноў і дачка. Адзін з бацькавых братоў, Эрвін, быў авіятарам. У час вайны стаў удзельнікам французскага супраціву фашыстам і ў 1943 годзе загінуў. Адзіная сястра бацькі Марта, якая да вайны жыла ў іх доме ў Баранавічах, пасля прыходу немцаў пешшу пайшла ў Варшаву. Доўгі час ад яе не было ніякіх вестак, потым даведаліся, што дайшла. Там Марта правяла ўвесь час акупацыі, там засталася і да канца сваіх дзён. Вяртацца ў Савецкі Саюз яна не захацела.

«Раней мы падтрымлівалі сувязь, — гаворыць Генадзь Іосіфавіч, — аднак з часам яна перарвалася. Старэйшыя памерлі, а з маладымі ў мяне неяк стасункаў не склалася. А хацелася б, каб хто адгукнуўся, каб сустрэцца. Усё ж блізкая радня!..»

І зараз, на 86-м годзе жыцця, Генадзь Іосіфавіч поўны сілы і энергіі. Маюць з жонкай добра дагледжаны агарод, упарадкаваную хату. А гаспадар, майстар на ўсе рукі, яшчэ і дае кансультацыі па рамонце аўтамабіляў. Гэты талент у яго ад бацькі.

«Жывём нібыта няблага. Але адно засмучае: тут ужо сто год толькі суцэльныя лозунгі і хлусня, — з горыччу канстатуе Генадзь Іосіфавіч. — Гэта ўсё ідзе яшчэ ад Леніна. І самае сумнае тое, што многія лічаць гэта нормай…»

Гэты матэрыял — адзін з пераможцаў творчага конкурса БАЖ «Вольнае слова – 2015»

«23 февраля для современной Беларуси — праздник “с особым цинизмом”»

100 лет назад Первая мировая война пришла в Беларусь. Исследователь ее истории Владимир Богданов рассказал, какие отношения были между оккупантами и местным населением, как большевики сдавали нашу страну немцам и почему его поражает отношение России к кладбищам той войны.

Руслан ГОРБАЧЕВ, www.gazetaby.com

— ***В наступившем году исполняется 100 лет с тех пор, как Первая мировая война пришла на территорию Беларуси. Когда и где это случилось?***

— По-настоящему масштабные боевые действия на белорусской земле начались летом 1915 года. Но еще раньше был эпизод войны, на пороге 100-летия которого мы как раз сейчас находимся. Я имею в виду бои у Гродненской крепости зимой 1915 года.

В феврале в результате немецкого наступления в Польше в Августовских лесах недалеко от Гродно в окружение попал XX корпус генерала Булгакова. Русские попытались прорваться к фортам Гродненской крепости, но немцы бросили войска вперед, чтобы отрезать отход. 15 февраля немецкие разъезды были впервые замечены возле Сопоцкина (деревня примерно в 30 км к северу от Гродно). 17 февраля город бомбила немецкая авиация, а в районе Сопоцкина, а также деревень Ратичи и Каплановцы развернулись ожесточенные бои. На протяжении нескольких дней немцы пытались прорваться к Неману и обойти крепость. Но сил у них не хватило, и к 6 марта они были

вынуждены отойти назад в Польшу. Из окружения к своим прорвались только два русских полка XX корпуса, остальные погибли или попали в плен. Тысячи погибших с обеих сторон остались на многочисленных кладбищах и в братских могилах к северу от Гродно.

Потом несколько месяцев боевых действий на нашей территории не было, а уже летом война пришла всерьез и надолго. Российская императорская армия под натиском немцев оставила Брест, Гродно, Барановичи, но осенью 1915 года прекратила отступление и закрепилась на линии фронта, которая на два с половиной года разделила нынешнюю Беларусь с севера на юг от Браславских озер до полесских болот. С того времени почти все основные события на Восточном фронте происходили на нашей территории.

— Почему белорусы, если и знают о Первой мировой войне на территории Беларуси, то совсем немного? Почему она оказалась забытой?

— Потому что в Советском Союзе по идеологическим причинам о ней старались не вспоминать. Гордиться было нечем, эта война была проиграна. В том числе потому, что большевики развалили армию. Чтобы лишний раз не подчеркивать их отрицательную роль, на Первую мировую наклеили штампы «империалистическая», «несправедливая» и забыли о ней. Хотя Вторая мировая — это ведь продолжение Первой, так сказать, вторая серия.

— Согласно данным, распространенным в СМИ, в течение 1914–1918 годов 800–900 тысяч белорусов встали под ружье. 70 тысяч погибли в рядах армии, потери мирных жителей составили 60 тысяч, еще 50 тысяч человек насильно угнали в Германию и Австро-Венгрию. Как оцените эти потери?

— Я бы не слишком доверял цифрам, которые озвучивают в СМИ. Они по большей части предположительны — о какой серьезной статистике можно было говорить сразу после Октябрьской революции? Во Вторую мировую солдат, конечно, вообще не считали, но и в Первую случались настоящие бойни. Тогда тоже часто пытались брать числом — такая была тактика, причем не только в российской армии. Взять ту же Нарочскую наступательную операцию весной 1916 года, когда командование изо дня в день гнало русских по снегу, грязи, болоту на укрепленную линию обороны. Неслучайно некоторые историки называли ее «десятидневным побоищем» — российские войска потеряли около 100 тысяч человек, из них более 20 тысяч убитыми, 5 тысяч пропавшими без вести. У немцев по их оценкам — около 20 тысяч убитыми и ранеными.

Барановичская операция летом того же года: за неделю наступления российские потери — около 40 тысяч убитых, 60 тысяч раненых; немецкие и австро-венгерские — около 8 тысяч убитых, 13 тысяч раненых. У меня есть немецкие полковые истории, в которых солдаты отмечают, что в такие дни стрельба из пулеметов превращалась в рутинный труд, как на скотобойне, они переставали понимать, что делают — стреляешь и стреляешь, а «коричневая волна» все накатывает и накатывает.

— Весной 1918 года в России находилось около 2 миллионов 300 тысяч беженцев из белорусских губерний — родного

Немцы хоронят российских солдат, погибших в Нарочской операции у деревни Интока (апрель 1916 г., Поставский район)

крова лишился каждый третий белорус. 400 тысяч человек назад так и не вернулись. Почему белорусы так массово подались в беженцы?

— Российским командованием применялась тактика выжженной земли. Старались не оставлять врагу ничего, за что он мог зацепиться. Вывозили оборудование, скот, имущество, разрушали заводы, фабрики, взрывали мосты. Власти писали расписки и обещали людям все возместить после окончания войны. Но наступили революционные времена и об этих обещаниях никто, конечно, не вспомнил.

Беженство белорусов было организовано властями. Люди делились воспоминаниями: когда в сентябре 1915 г. немцы подходили к Сморгони, казаки дали местным жителям три часа на сборы и уход из города. Представляете, что это такое? Люди поколениями жили на одном месте, а тут им дают несколько часов, чтобы сорваться с нажитого места и уехать неизвестно куда, вглубь России.

Немцы выпустили серию фотооткрыток с изображением разрушенного Бреста: мол, посмотрите, каким мы застали город после ухода русских.

Авторское отступление

У дома моей бабушки в деревни Волоки Кореличского района есть склеп, в который я все детство ходил за вареньем. Откуда он взялся, я никогда не задумывался. Склеп как склеп. Каково же было мое удивление, когда недавно я узнал, что построен он немцами в Первую мировую. Линия фронта как раз проходила недалеко от деревни. Семья моей прабабушки в это время была в беженцах. Вернулась она домой через несколько лет после окончания войны с территории Донской области. И вся большая семья первое время жила в этом бетонном склепе, потому что хаты во время войны сгорели. В склепе этом и сегодня стоят наши закатки.

— Почти два с половиной года фронт стабильно стоял на линии Пинск — Барановичи — Кореличи — Сморгонь — Мядель — Поставы — Браслав. Как жила часть страны под немецкой оккупацией?

Деревня Норковичи, Поставский район, 1916 г.

— Зверств, которые были во время Второй мировой, не происходило. Конечно, жизнь белорусов под немцами была не сахар, все-таки те были оккупантами. Выгоняли население на работы, заставляли строить дороги, укрепления и т. д. Если кто остался из молодежи, могли и в Германию отправить. Но в целом отношения были достаточно цивилизованными.

В этом году я был на Витебщине, в деревне Норковичи под Поставами. У меня оказался фотоальбом немецкого солдата, который квартировал в этой деревне. На снимках, сделанных во время Первой мировой, девушки пляшут в клубе с немцами под электрической лампочкой, бабушки читают газеты (непонятно, на каком языке), хозяева хат фотографируются с солдатами-постояльцами. Я показал местному жителю эти фотографии, он посмотрел: «Нет, это точно не наша деревня». Почему? «Смотри — столбы электрические стоят. А я помню, как при моей жизни к нам свет тянули»…

«Лампочки Ильича», о которых так много раньше говорили, пришли в наши деревни задолго до Ленина. И при установлении советской власти они надолго погасли.

Немецкие солдаты и белорусские дети, чистящие картошку

У меня даже есть снимки кинотеатров, которые были в деревнях. Разговаривал на Полесье с пожилым мужчиной. Он вспомнил рассказ своей бабушки: их, детей, собрали немцы, натянули перед ними простынь, а потом на них оттуда как рванет поезд! Дети испугались и разбежались — совсем как на классической премьере «Прибытие поезда» братьев Люмьер.

Однажды мне мужик в деревне рассказал, что у него есть немецкий плуг. Спрашиваю: почему думаете, что он немецкий? «Потому что немецкий больше и шире, рассчитан на две лошади». И действительно, у меня есть немало снимков, где немецкие солдаты пашут в Беларуси с двумя лошадьми.

Еще у нас остались развaленные немецкие электростанции, например в Островецком районе. Железные дороги во время войны получили развитие с двух сторон. Такую сеть построили, что мы до сих пор ее используем.

Поскольку фронт стабильно стоял два с половиной года, то жизнь продолжалась как на немецкой стороне, так и на российской. Я видел документы, где батюшка обращается к командиру полка с просьбой разрешить брак между солдатом и местной крестьянкой, потому как иначе нельзя: ей 16 лет, а она уже ждет ребенка. Есть фотографии времен Первой мировой со свадеб российских солдат и белорусок.

Кстати, никто так не сфотографировал Беларусь начала XX века, как немцы. С точки зрения краеведения это очень большое наследие. Многие немцы путешествовали с фотоаппаратами, им были интересны чужие края, поэтому остались десятки тысяч фотографий. Недавно удалось приобрести хорошую серию, созданную немецким строителем мостов, который плавал по Западному Бугу и Припяти и фотографировал все: деревни, церкви, костелы, промыслы, людей.

Многих зданий, храмов, которые мы видим на снимках того времени, уже нет.

— Линия фронта долгое время была стабильной. Как немцы в итоге пришли к победе?

— То, что Германия смогла зацепиться на Восточном фронте за победу, — исключительно «заслуга» большевиков. В результате «демократизации» российская армия ими была полностью развалена, деморализована. Пехота выбирала себе командиров и голосовала: идти в атаку или не идти. Летом 1917-го генералы и офицеры буквально уговаривали солдат пойти в решающее наступление, с уговорами на фронт приезжал сам Керенский. А в итоге после самой мощной артподготовки солдаты доходили до немецких окопов, набирали там вещей и разворачивались назад. Чтобы поддержать боевой дух, вдохновить своим примером, в атаку под Сморгонью пошел женский батальон Бочкаревой, занял позиции в Новоспасском лесу. Но никто их не поддержал.

К концу 1917 года ресурсы Германии были практически полностью истощены, она стояла на грани поражения, войскам не хватало самого необходимого. Но после перемирия, заключенного в декабре в Солах под

Захваченный немцами обоз российской армии в белорусской деревне Сопоцкин

Сморгонью, немцы приобретали все, что им нужно, у русских солдат. Сооружались специальные площадки для так называемой меновой торговли. Процитирую фрагмент одной из немецких полковых книг:

«Это было веселое зрелище, торговля с ее махинациями. Наш командир 1-й пулеметной роты выманивал у русских, главным образом с помощью водки, все, что могло пригодиться нашей бедствующей родине: чай, металлы, резину, мыло… “Люди чести русской революции” продавали военное имущество своей родины».

18 февраля 1918-го, когда закончился срок двухмесячного перемирия, пунктуальные немцы сделали пару предупредительных выстрелов из пушек «в знак возобновления боевых действий», поднялись из окопов и вышли на русские позиции. И обнаружили их «брошенными и частично запущенными».

— 21 февраля 1918 года немцы заняли Минск. Был какой-то бой по его защите?

— Не было. Некому было воевать — сказалась так называемая самодемобилизация, а попросту говоря — повальное дезертирство. Немцы заняли Минск и пошли дальше. Подойдя к Пскову, они разогнали разрозненные отряды красноармейцев и 23 февраля отправили телеграмму Ленину с ультиматумом, дали день на размышление. Ленин поспешно отправил телеграмму, что принимает все немецкие условия. В итоге последовавших переговоров 3 марта 1918 года был подписан Брестский мир. По договору советское правительство отдавало немцам Беларусь, а также другие территории, соглашалось на выплату громадной контрибуции.

А сегодня мы празднуем 23 февраля как День защитников Отечества. Но если для России его хоть как-то можно оправдать, то для современной Беларуси это праздник «с особым цинизмом».

Окончательно немцы ушли из Беларуси только в 1919 году (из Минска — в декабре 1918-го), после того, как Германия признала свою капитуляцию в Первой мировой перед западными странами – союзниками России.

— Какие следы остались в Беларуси от Первой мировой?

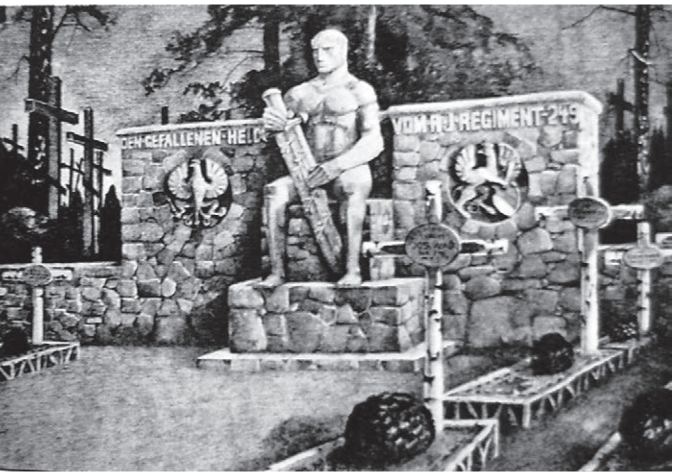
— Я считаю, что ни одна война не оставила на нашей территории столько следов, как Первая мировая. Это и линии фортификации, и железные дороги, и кладбища, историю которых я изучаю.

Оборонительные сооружения остались в основном немецкие, поскольку они бетонные.

Русские строили из земли и дерева, и в условиях войны для этих целей приходилось разбирать и дома, и храмы. Но это были достаточно мощные укрепления, следы которых сохраняются до сих пор.

Что касается могил, то особенность Первой мировой войны в том, что и немцев, и солдат российской армии часто хоронили на одних кладбищах. В Беларуси с той войны сохранилось более 300 кладбищ. Из них около 90 российских, около 130 немецко-австрийских и около 60 смешанных.

Сегодня мы имеем очень много разрушенных и заброшенных кладбищ. После Второй



1916 г. Памятник немецкого 249 пехотного полка на кладбище в деревне Карабаны (Мядельский район) и современный вид этого памятника

мировой с немецкими могилами часто буквально воевали. В деревне пьяный тракторист брал кувалду и шел, как он считал, бороться за правое дело. Кроме того, суровый XX век нанес сильный удар по человеческой морали. Многие кладбища были разрыты, причем часто не черными копателями, а местным населением. Люди сегодня вспоминают: да, мы сами в детстве здесь рылись. Это было в порядке вещей.

Иногда меня спрашивают, почему я занялся темой кладбищ. Я нашел для себя ответ: чтобы не было стыдно. Если мы стремимся к европейским ценностям, то надо как-то пытаться соответствовать.

Реальная работа по восстановлению кладбищ сегодня проводится в основном руками энтузиастов, в том числе фондом памяти Первой мировой войны «Кроки», в котором я состою. Так, в минувшем году поставили крест на месте обнаруженной братской могилы, где похоронены жертвы самой мощной немецкой газовой атаки под Сморгонью, которая состоялась 20 июля 1916 года.

Найти эту братскую могилу, кстати, смог не сразу. Знал, что она находится около станции Залесье на кладбище возле церкви. Но церкви не было. Оказалось, во времена Союза ее сжег на Пасху председатель колхоза. Определить место братской могилы удалось только по сохранившимся каменным памятникам.

Увеличив старое фото, удалось прочитать надпись на кресте: «Здесь покоятся гренадеры 14 Грузинского, 15 Тифлисского и 16 Мингрельского и Ниж. чины 6 пех. Либавского полка, отравленные удушливыми газами 20 июля 1916 г». Теперь этот текст будет на новом памятнике.

Меня поражает отношение российской стороны к кладбищам Первой мировой. Если вы говорите о патриотизме, считаете, что корни современной России идут из Российской империи, то следует помнить, что люди, лежащие на многочисленных кладбищах на территории Беларуси, защищали вашу родину. Неужели они не заслуживают достойной памяти и немного денег из такого мощного бюджета?

Но ничего, кроме заклинаний «никто не забыт, ничто не забыто», я не наблюдаю. Разговоры о необходимости восстановления и ухода за кладбищами чаще всего остаются только разговорами.

Почему-то Беларусь разбирается с самым печальным наследием Первой мировой без поддержки восточного соседа — силами энтузиастов, отдельных администраций, спецбатальона Минобороны. Да, замечательно, что кладбище на Сторожевке в Минске удалось спасти от застройки и теперь оно имеет цивилизованный вид. Но Союзное государство уже лет семь строит мемориал под Сморгонью и все никак достроить не может. Развернули гигантскую стройку с совершенно несуразными, нелепыми монументами, но даже к 100-летию начала войны не успели завершить. Не факт, что к 100-летию окончания успеют. И это в мирное время! Остается только удивляться, как немцы смогли в условиях войны построить многие мемориалы, которые напоминают о Первой мировой до сих пор — в деревне Десятники Воложинского района и других местах.

И в большинстве случаев на этих кладбищах лежат не только немецкие, но и российские солдаты.

Безбарьерный выход к морю

Балтика. Ветер. Сосны. У Литвы короткая прибрежная полоса, но уже 20 лет в завидном месте у моря работает центр отдыха для инвалидов-колясочников и их семей.

Дарья ЛИС

Читаешь про открытие нового шикарного санатория в Витебской области и ловишь себя на мысли, что сравниваешь цену одного дня проживания там с белорусскими зарплатами и пенсиями. Прекрасно понимаешь: с такими пенсиями и зарплатами никакого отдыха и лечения себе не позволишь. Баланс не сходится — цифры не совпадают.

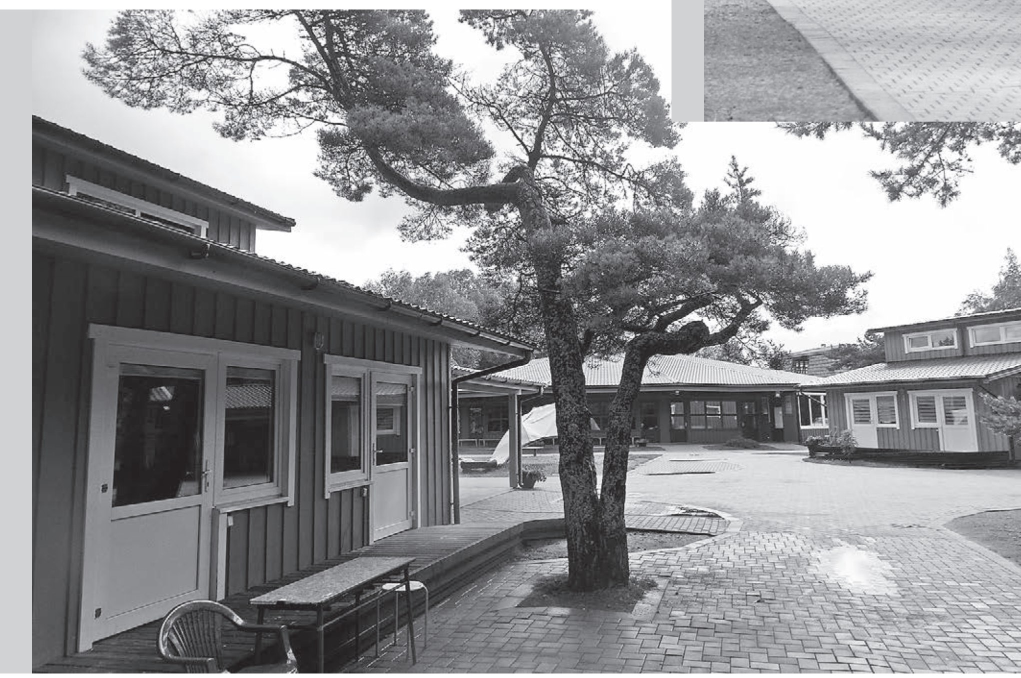
В Беларуси много санаториев, а мест красивых еще больше, но где белорусу отдохнуть бюджетно и удобно? Важный нюанс в данном случае — белорусу на инвалидной коляске. Такие люди есть, у них есть семьи, и им тоже нужно жить и отдыхать. Если сильно постараться, то можно раз в два года выбить путевку за счет госбюджета в старенький и совсем не шикарный санаторий. Посидеть на берегу реки, среди леса… Это неплохо, конечно, но атмосфера и «контингент» позитива не добавляют. Основная масса отдыхающих — старенькие бабушки и дедушки, рожденные в СССР, где инвалидов не было и быть не могло. Отношение к людям на колясках соответствующее. У каждого есть право на отдых, просто у каждого — свои приоритеты.

В Литве есть интересное место для отдыха и реабилитации людей на инвалидных колясках. Здесь все максимально удобно, безбарьерно и просто. На самом берегу Балтийского моря — между Палангой и Швянтойи — расположился кемпинг для колясочников и их семей — Монтишкес.

С конца апреля до начала ноября здесь действует 14 реабилитационных программ для людей, которые получили травмы недавно. Искусство, спорт, народные промыслы (лозоплетение, соломоплетение). На протяжении 10 дней колясочник с сопровождающим живут в Монтишкес бесплатно. Человек, получивший инвалидность, учится жить заново после полученной травмы. Те, кто уже научился (а выбора нет по большому счету!), имеют возможность отдыхать на море раз в год по очень приемлемым расценкам. Вместе с семьей или друзьями. Паланга — достаточно дорогой курорт, и жить в 11 км от Паланги выгоднее, учитывая шикарные велодорожки вдоль моря.

Лагерь-кемпинг — это единое безбарьерное пространство: летние домики (с удобствами и без, если более старые), клуб-столовая, где можно обедать, танцевать, смотреть ТВ, проводить презентации и слушать концерты, летняя терраса, двор с костром и мангалом, магазинчик, кафе, оборудованный пляж. Здесь могут жить одновременно 150 человек. «Старые» колясочники между делом вдохновляют «новых», доказывая не на словах, а на деле, что после травмы или болезни жизнь не заканчивается.

В свое время созданная в 1995 году Ассоциация параплегиков Литвы, как и многие другие организации инвалидов, получила от государства деньги на развитие и очень разумно их использовала, получив хороший участок земли в аренду на 100 лет и построив здесь прекрасную приморскую базу отдыха. Ей нет аналогов у соседей. Это не больница и не санаторий — место, где люди на колясках могут жить, отдыхать, знакомиться, общаться и делится опытом. Загорать, плавать, жарить шашлык. Самостоятельно. Есть удобный подход к морю — деревянный настил до самой воды, коляска для плавания, простые, но удобные шезлонги в дюнах для того, чтобы пересесть с коляски и погреться на солнце.



После распада СССР все республики бывшей империи осознали, что права человека с инвалидностью долгое время нарушались и стоит менять ситуацию, если хочешь идти в ногу с цивилизованным миром. Литовцы в Европу хотели. И теперь им есть чем гордиться в плане защиты прав человека. В частности, инвалидам здесь живется легче, чем в Беларуси. Государство финансирует покупку электроколяски (1 раз в 8 лет) и коляски активного типа (1 раз в 5 лет). Человек сам выбирает нужную модель и оплачивает лишь 10% от всей суммы. Есть помощь в покупке автомобиля — выдается 1200 евро раз в 6 лет. И отдых в санатории каждый год. Есть возможность переоборудовать жилье под нужды человека с физическими ограничениями за счет государства. Есть льготная поддержка для бизнесменов-колясочников. Неплохо, правда?

Ирония судьбы в том, что проблемы инвалидов-колясочников может понять лишь друг президента, севший в коляску. Станисловас Куткевичус, друг президента Литвы Альгирдаса Бразаускаса, получил травму позвоночника. Он был человеком своего времени — неординарным и успешным. Председатель богатого колхоза в советские времена, доктор наук, политик… Накануне отъезда в Германию на запланированную стажировку случилась авария, переменившая его планы.

Куткевичус прочувствовал на себе, что жить в Литве колясочнику сложно, а отдыхать у моря (при наличии хорошего выхода к морю!) негде. Наверное, проще было бы уехать жить за границу, но он остался дома, создал Ассоциацию, в которой нынче 600 колясочников, выбил у государства деньги и землю и построил центр отдыха в Монтишкес. Станисловаса Куткевичуса нет в живых уже восемь лет, но его детище — Ассоциация и центр — успешно работает. Финансируется государством и бизнесменами-спонсорами.

Ассоциация и центр в Монтишкес — это по большому счету одна семья, единый организм. И нельзя говорить о центре отдыха, не рассказав о его сегодняшнем директоре Расе Остраускене. Спокойная и улыбчивая женщина в коляске. Хозяйка большого «дома» и координатор всех будничных и творческих процессов. Раса получила травму еще в 80-х. Ей было 15 лет, ехали с братом на мотоцикле

Раса Остраускене, директор центра

и не рассчитали скорость. Бывает. Раса говорит, что потом, после травмы, ей в жизни встретились хорошие люди (семья колясочников, жившая неподалеку) и все пришло само по себе — реабилитация, работа, друзья… В 22 года Раса стала председателем районного общества инвалидов и проработала там девять лет. Вышла замуж и буквально сбежала из дома от опеки родных. Муж Выгинтас тоже колясочник, они вместе 23 года и на протяжении последних 15 лет с апреля по ноябрь живут и работают у моря, в Монтишкес. Зимой возвращаются домой, в маленький курортный городок Аникшяй (350 км от Паланги) и… путешествуют. Ищут лето зимой, как говорит Раса. Ездят дружеской тусовкой по 4–5 человек, где каждый на инвалидной коляске… Справляются! Вьетнам, Камбоджа, Таиланд, Тенерифе, Египет… Теперь собираются на Кубу.

У белорусов нет своего моря, но есть красивые реки и озера. Почему бы не обустроить на Нарочи похожий лагерь-кемпинг? Точнее, почему бы нашим колясочникам не предложить такой проект властям? А им бы взять да согласиться. Теперь уже не 90-е, но мы ведь снова захотели в Европу?

Впрочем, даже в России финансовая поддержка людей с ограниченными физическими возможностями на порядок лучше, чем у нас. Получается, мы застряли где-то между миром денег и высоких цивилизаций. Ни того, ни другого нет, увы. И понять проблемы человека в инвалидной коляске сможет лишь друг президента, севший в нее. Но у нас друзья президента сидят в других местах, часто — в не столь отдаленных.

28 лістапада,

у дзень нараджэння Паўла Шарамета,

ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў» правядзе ў Мінску вечар памяці журналіста.

Удзел у мерапрыемстве, што пройдзе ў сталічнай Галерэі «Ў», возьмуць родныя і калегі Шарамета. На вечарыне будуць гучаць успаміны пра журналіста. Гасцям пакажуць урыўкі з відэаінтэрв'ю і фільмаў Паўла, архіўныя фотаздымкі, а таксама відэазварот ад калег Шарамета з Расіі і Украіны.

Перад прысутнымі выступяць беларускія музыкі.

Павел Шарамет загінуў у Кіеве 20 ліпеня 2016 года. Забойцы журналіста дагэтуль не знойдзены. Следства адпрацоўвае чатыры версіі забойства: асабістыя непрыязныя адносіны з загінулым, прафесійная дзейнасць, дэстабілізацыя становішча ў Кіеве, памылка (машына, у якой быў узарваны Шарамет, належала ўладальніцы газеты «Украинская правда» Алёне Прытуле).